

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Тольяттинский государственный университет»

Институт права

(наименование института полностью)

Кафедра «Гражданское право и процесс»

(наименование кафедры)

40.03.01 Юриспруденция

(код и наименование направления подготовки, специальности)

гражданско-правовой

(направленность (профиль) / специализация)

БАКАЛАВРСКАЯ РАБОТА

на тему «Подсудность дел с участием иностранных лиц»

Студент

А.О. Дюжакина

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Руководитель

Р.Ф. Вагапов

(И.О. Фамилия)

(личная подпись)

Допустить к защите

Заведующий кафедрой канд. юрид. наук, доцент, А.Н. Федорова _____

(ученая степень, звание, И.О. Фамилия)

(личная подпись)

« _____ » _____ 20 ____ г.

Тольятти 2019

АННОТАЦИЯ

Выпускная квалификационная работа студентки Дюжакиной Анастасии Олеговны, является на тему «Подсудность дел с участием иностранных лиц». Объем бакалаврской работы 65 страниц. При написании работы использовалось 44 источника.

Актуальность темы выпускной квалификационной работы связана с подсудностью.

Объектом исследования возникают правовые отношения, которые ведут развитие и функционирование института подсудности дел с участием иностранных лиц.

Предметом исследования является подсудность дел.

Целью данной дипломной работы является исследование подсудности дел с участием иностранных лиц.

В данную бакалаврскую работу входит введение, три главы, заключение. Во введении рассматривается подсудность дел.

В ходе написания данной работы были поставлены и решены следующие задачи:

1. Охарактеризованы понятие и признаки подсудности.
2. Рассмотрены виды подсудности.
3. Раскрыто понятие международной подсудности и изучены соглашения о международной подсудности.
4. Охарактеризованы способы определения международной подсудности по законодательству различных государств.
5. Исследован правовой статус иностранных лиц в российском гражданском и арбитражном процессе.
6. Проанализирован процесс рассмотрения арбитражными судами и судами общей юрисдикции дел с участием иностранных лиц.
7. Рассмотрены соглашения о международной подсудности в отечественном правопорядке. Заключение посвящено выводам по данной бакалаврской работы.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	4
Глава 1. Понятие и виды подсудности дел с участием иностранных лиц	6
1.1 Понятие и признаки подсудности	6
1.2 Виды подсудности дел с участием иностранных лиц	13
Глава 2. Понятие и способы определения международной подсудности по законодательству различных государств.....	21
2.1 Понятие международной подсудности. Соглашения о международной подсудности	21
2.2 Способы определения международной подсудности по законодательству различных государств.....	29
Глава 3. Подсудность дел с участием иностранных лиц судам в Российской Федерации.....	37
3.1 Правовой статус иностранных лиц в российском гражданском и арбитражном процессе.....	37
3.2 Процесс рассмотрения арбитражными судами и судами общей юрисдикции дел с участием иностранных лиц	45
3.3 Соглашения о международной подсудности в отечественном правопорядке	52
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	59
СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	61

ВВЕДЕНИЕ

В науке гражданского процесса много уделено внимания гражданскому процессуальному праву как отрасли права, его зависимость и соотношение с иными правовыми отраслями. Этого нельзя отнести в отношении института подсудности гражданских и иных дел, не получившего многих теоретических осмыслений, что создает некоторые определенные сложности в его применении. Подсудность – это система норм права, то есть институт гражданского процессуального права, регулирующих общественные отношения, происходящие в связи с возникновением определённого суда при подачи заявления или иска. Подсудность - это размежевание компетенции между отдельными звеньями судебной системы и между судами одного звена в рассмотрении и разрешении подведомственных им дел.

Процессы глобализации и проведение в России стимулирующих программ по улучшению инвестиционного климата приводят к заметной интеграции иностранных лиц в организуемые на территории нашей страны бизнес-проекты и, следовательно, приумножению гражданско-правовых отношений с участием указанных лиц.

Повышение удельного веса иностранцев в экономике неизбежно ведет и к увеличению числа конфликтов между хозяйствующими субъектами различных государств. О таком увеличении свидетельствуют, в частности, показатели статистической отчетности. Так, например, в 2015 году арбитражными судами Российской Федерации рассмотрено 2172 дела с участием иностранных лиц, в 2016 году - уже 5779 дел (в 2011 году - таких дел было 1675).

Ввиду связи правоотношений, обремененных иностранным элементом, с несколькими государствами, первоочередной задачей, начальным этапом разрешения конфликта является установление его подсудности.

Методологической основой исследования является диалектический метод познания. При решении конкретных вопросов исследуемой проблемы

использовались общенаучные и частные методы познания (сравнительного и логического анализа и синтеза, системного подхода к изучаемым процессам и др.).

Теоретическую основу исследования составили труды отечественных и зарубежных ученых: М.М. Агаркова, Д.Д. Аверина, Л.Н. Ануфриевой, М.М. Богуславского, М.А. Викут, М. Вольфа, Л.Н. Галенской, Н.Г. Елисеева, В.М. Жуйкова, В.П. Звекова, П. Каленского, Р.Ф. Каллистратовой, В.М. Корецкого, С.Б. Крылова, Л.А. Лунца, Л.А. Лазарева, И.И. Лукашук, Н.И. Марышевой, В.А. Мусина, Т.Н. Нешатаевой, И.Б. Новицкого, П. Норта, И.С. Перетерского, Д.И. Полумордвинова, В.К. Пучинского, И.М. Резниченко, М.Г. Розенберга, А.А. Рубанова, О.Н. Садикова, Е.А. Суханова, М.К. Треушниковой, П.М. Филиппова, Н.А. Чечиной, Дж. Чешира, Шак Х., М.С. Шакарян, Н.А. Шебановой, В.В. Яркова, и др.

Теоретическое значение дипломной работы состоит в том, что его результаты содержат решение задач, имеющих значение для развития науки гражданского и арбитражного права.

Практическое значение исследования заключается в том, что теоретические выводы и положения могут быть использованы для дальнейшего научного исследования проблем, связанных с участием иностранных лиц в судебных процессах Российской Федерации.

Структурно работа состоит из введения, трех глав, заключения, списка использованной литературы.

В первой главе будут рассмотрены понятие, признаки и виды подсудности.

Во второй главе работы будут проанализированы понятие и способы определения международной подсудности по законодательству различных государств.

В третьей главе будет изучена подсудность дел с участием иностранных лиц судам в Российской Федерации.

Перейдем к рассмотрению основных положений работы.

Глава 1. Понятие и виды подсудности дел с участием иностранных лиц

1.1 Понятие и признаки подсудности

Для рассмотрения института подсудности гражданских дел, прежде всего, определим признаки института подсудности гражданских дел, воспользовавшись научными работами С.С. Алексеева, В.М. Шерстюка, М.К. Юкова:

1. Каждый правовой институт имеет свой предмет правового регулирования. Именно по предмету правового регулирования происходит разграничение институтов в рамках отрасли права, поэтому определение предмета регулирования правового института разрешает указывать его место в понятии отрасли права и выявлять его основополагающие признаки.

Правовой институт, как правило, представляет собой комплекс норм, регулирующих взаимосвязанные однородные общественные отношения. Применительно к институту подсудности гражданских дел необходимо говорить о регулировании единого сложного гражданского процессуального отношения.¹ Стоит заметить, что в теории гражданского процесса изложения понятия гражданского процессуального правоотношения является предметом дискуссии. Для целей настоящего исследования используем определение гражданского процессуального правоотношения как единого сложного (комплексного) много субъектного гражданского процессуального правоотношения.

В общем, предметом правового регулирования института подсудности гражданских дел является условия возникновения сложного, общего гражданского процессуального правоотношения.

2. Институт подсудности гражданских дел имеет систему верного регулирования и далее происходит вопрос о его методе.

По утверждению М.К. Юкова, институтам гражданского

---

¹ Ерохина Т.П. Некоторые проблемы подсудности в гражданском судопроизводстве: Дис. ... к.ю.н.: Саратов, 2014. С. 48 - 50.

процессуального права не свойствен специфический метод регулирования, они указываются одним общим отраслевым методом.

Полностью поддерживаем приведенное высказывание уважаемого ученого. Стоит отметить что, институт подсудности гражданских дел своего специфичного метода не содержит, на него распределяется метод отрасли гражданского процессуального права.

В гражданском процессе, а так же и теории указывается, что регулирование одного сложного гражданского процессуального отношения осуществляется через применения диспозитивных и императивных норм; далее, метод гражданского процессуального права возможно раскрыть как диспозитивный и императивный, который описывается сочетанием императивно-диспозитивных своих свойств и начал. Со стороны, происхождение гражданского дела, его возникновение, развитие и окончание зависит от всех участвующих лиц в деле, а с другой - решающим и обязательным субъектом выступает суд, принимающий от имени государства правовые решения.

Законодательно установленное сочетание властных отношений, в которых из каких-либо сторон работает объект публичной власти с равноправием и волей участвующих в деле лиц, определяет обоснованным отражением гражданских процессуальных правоотношений в специфике.

При этих условиях метод правового регулирования института подсудности гражданских дел следует определить как императивно-диспозитивный.

Показывает это в том, что в основе института подсудности гражданских дел одновременно существует императивные, так и императивно-диспозитивные нормы. Наиболее подробно это указано в соотношении ст. ст. 30 и 32 ГПК РФ.

Так, ст. 30 ГПК РФ указывает исключительную подсудность гражданских дел, предписания указанной статьи носят императивный характер. В то же время ст. 32 ГПК РФ устанавливает подсудность, т.е.

допускает возможность определить подсудность не только в соответствии с законом, но и обоюдного соглашения сторон. Данная норма имеет явно диспозитивный характер.

3. Отметим, что в подсудности судебных дел правовых институтах входят в систему разновидных процессуальных отраслей российского права. В гражданском, арбитражном, уголовном, административном, процессуальном праве, состоят нормы о подсудности, которые образуют их отраслевые институты. В науке гражданского процесса выступает мнение о межотраслевом отношении института подсудности гражданских дел². Безоговорочно, предмет правового регулирования отраслевой подсудности институтов в различных процессуальных, правовых отраслях российского права имеет много общего. Можно сказать, что с точки зрения судоустройства судебные органы, рассматривающие дела в порядке административного и уголовного судопроизводства, не имеют отличия от судебных органов, рассматривающие заявления по гражданским делам.³

Вместе с тем нельзя отнести в сторону различия, на основании которых возможно определить какой-либо вывод об отсутствии межотраслевого характера института подсудности гражданских дел. Обратим внимание на институты подсудности судебных дел, рассматриваемых в порядке административного и уголовного судопроизводства.

По своим определённым задачам уголовное судопроизводство и административное судопроизводство ближе друг к другу, чем к гражданскому судопроизводству. В процессе их возникновения оказывается властное и сильное влияние, связанное с совершением всех правил правонарушений. Все уголовные и административные судопроизводства определяется также и в единой целевой направленности административных и уголовных наказаний.

При изучении правовой природы института подсудности всех дел

---

² Ерохина Т.П. Некоторые проблемы подсудности в гражданском судопроизводстве: Дис. ... к.ю.н.: Саратов, 2014. С. 48 - 50.

³ Там же.

прежде всего нужно обратить внимание на метод правового регулирования, имеют разные смыслы как для некоторых процессуальных отраслей права, так и институтов подсудности, которые входят в их составляющий процесс.

Существенную роль играет правовая природа материальных отношений, основанных при рассмотрении органами правосудия судебных дел, связанных с совершением уголовного преступления или административных правонарушений, который в корне отличается от правоотношений, вытекающих из гражданских, земельных, семейных, трудовых и мн.др.

С учетом выше сказанного можно определить вывод, что институт подсудности гражданских дел определённо отличается от одноименных институтов, входящих в состав и его содержания уголовного и административного процессуального права.

Далее обратим внимание на вопросы об отраслевой и правовой особенности института подсудности гражданских дел и его месте в арбитражном праве и гражданско - процессуальном праве. Несколько ученых определяют, что в рамках арбитражного права и гражданского права и процессуального права действуют свои знаменательные отраслевые институты подсудности всех гражданских дел⁴. Если разобрать указанные проблемы со стороны единства гражданского судопроизводства, то в заключении о существовании внеурочных институтов подсудности гражданских дел нужно признать неправомерным. Анализ процессуальных норм гражданского права и арбитражно-процессуальное, права разрешает внести вывод о том, что предмет и метод правовых отношений регулирования институтов подсудности в них являются идентичными и верным. Вследствие сказанного, верно определять и указывать, что в рамках арбитражного процессуального права и гражданского процессуального права существует общий институт подсудности гражданских дел.

В институте подсудности гражданских дел нужно отметить общий и

---

⁴ Дергачев С.А. Договорная подсудность в гражданском и арбитражном процессе России: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2015. С. 12

единый процессуальный гражданский институт.

4. В объединенной теории права правовой институт характеризуется как "...законодательно существенные комплексы юридических норм, определяющие цельные регулирования данных отношений или их сторон". Следовательно, одним из показателей правового института вытекает его (законодательная) нормативная независимость.

Многочисленное количество норм о подсудности гражданских дел указано в главе 3 ГПК РФ (общая часть). Данные процессуальные нормы отмечают подсудность гражданских дел, в порядке рассмотрения в исковом производстве. Далее нормы института подсудности гражданских дел регулируют не только в обобщенных положениях, но и в других частях ГПК РФ.

Содержание института подсудности гражданских дел определяют гражданско-процессуальные нормы, составляющие одно из условий происхождения, возникновения и дальнейших всех развитий единого сложного гражданского процессуального правоотношения. Нормы имеют различия в отраслевом определении и являются исключительно процессуальными и гражданскими.

При рассмотрении исследовании правовых институтов, составляющих из норм одного нормативного правового акта, как правило, не возникают проблемы, но вдруг если отраслевой, правовой институт состоит из некоторых норм правовых актов, то может возникнуть вероятность появлений коллизий.

В наше время для теоретической работа проявляется мнение, что "ГПК РФ обязан некоторым образом указывать правила подсудности. Нормы из иных федеральных законов в данный теме неопределима"⁵.

Правовой институт, где состоит из норм, содержащихся в разных нормативных актах, не имеет исключения, а скорее всего объективное проявление в системе российского права.

---

⁵ Терехова Л. Фетишизация правил подсудности в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. N 6. С. 11

Так можно сказать, что похожие институты существовали в законодательстве советского времени. В юридической литературе далекого времени указывало на недостаток каких-либо различных причин для внесения всех гражданских процессуальных норм в общий нормативный правовой акт.

По мнению Н.А. Чечиной, "можно допустить внесение процессуальных норм в непроцессуальные нормативные акты при возможных условиях:

а) когда они были уже замечены процессуальными нормативными актами; б) если общие правила процессуальных норм не может быть принято без соответствующего с ним материально-правового определения; в) если у двух или нескольких правил как бы есть единая основа". Следует отметить, что в настоящем периоде времени нормы подсудности гражданских дел, определяются в многочисленных нормативно-правовых актах, которые соответствуют условиям.⁶

В каких-либо очевидных причин для внесения в процессуальные нормы о подсудности гражданских дел, закрепленных в различных нормативных правовых актах, в ГПК РФ не предусмотрены.

Однако следует помнить, что в настоящем времени подобное развитие в законодательстве может осуществляться в точном соответствии с ч. 1 ст. 1 ГПК РФ, согласно которой все процессуальные нормы в иных федеральных законах должны соответствовать всем нормам ГПК РФ, либо избежать несоответствующих последствий, связанных с происхождением правовых коллизий.

Строго в дальнейшем развитии специального законодательства должно входить при условии конкретного анализа, где уже действующего процессуального законодательства, системы гражданского процессуального права в координации с исследованиями посторонних правовых институтов, и

---

⁶ Чечина Н.А. Система гражданского процессуального права и систематизация законодательства // Правоведение. 2016. N 2. С. 32

естественно в числе института подсудности гражданских дел.⁷

5. Одним из важнейших показателей института подсудности гражданских дел является его взаимозависимость. Для проявления системных свойств и норм института подсудности гражданских дел в первую очередь прежде выяснить объединяющие свойства процессуальных норм по отдельности, а затем уже потом обращаться к анализу правовых связей процессуальных норм всего института в целостности.

Правовые нормы которые связанные между собой правовые нормы образует весь общий институт, который различаются распространенной организацией обладающих им норм права, он будет имеет внутреннюю собственную структуру. Структура правовых институтов могут быть простыми или более сложными, состоящими из субинститутов.

Задачи в нормах института подсудности гражданских дел естественно образуют иные структурные правовые образования, имеющие в части метода и предмета правового регулирования свои различия.

Предмет правового регулирования во всех субинститутов представляет свою дальнейшую, сильную конкретизацию предмета регулирования всех отношений института подсудности гражданских дел, но между собой они имеют несколько отличий. Далее в составе субинститутов диспозитивный метод регулирования показывает в себе и иными разными образами.

Так, что в субинститутах функциональной и родовой подсудности гражданских дел ведёт императивный метод регулирования, а в субинституте территориальной подсудности гражданских дел в большей мере находит в себе императивно-диспозитивный метод.

Учитывая всё изложенное, институт подсудности гражданских дел представляет собой небольшое по объему правовое регулирование в структурном образовании, состоящих из признанной группы процессуальных всех норм института подсудности гражданских дел.

В состав института подсудности гражданских дел, по нашему мнению,

---

⁷ Гражданское процессуальное право: Учебник / С.А. Алехина и др.; под ред. М.С. Шакарян. М.: ТК "Велби"; Изд-во "Проспект", 2013. С. 131

входят несколько субинститутов:

- территориальной подсудности;
- родовой подсудности;
- функциональной подсудности.

Таким образом, категории "территориальная", "функциональная" и "родовая" подсудность гражданских дел должны необходимо рассматривать всю призму структурных образований института подсудности гражданских дел, именуемых субинститутами.

6. В правилах, правовые институты состоят из тех, которые имеют один порядок в нормах права, разрешающих обеспечивать многогранные воздействие на определенный вид и стороны общественных отношений.

Таким же характером владеют и процессуальные нормы, составляющие институт подсудности гражданских дел. Для более общего исследования и рассмотрения процессуальных норм, составляющих подсудность гражданских дел, нужно обратиться к их возможным классификациям.

1.2 Виды подсудности дел с участием иностранных лиц

Гражданские процессуальные нормы содержат разные свойства и признаки, разрешающие классифицировать их по всевозможным основаниям. Классификация процессуальных норм по своей сфере возможности общие, специальные и исключительные и по степени её обязательности (диспозитивные и императивные) дают устанавливающие значение для определения системных свойств института подсудности гражданских дел.⁸

Обобщенной особенностью института подсудности гражданских дел показывает, что при высшей степени императивности его норм включающие в состав предоставленного института внесены нормы, одновременно содержавшие диспозитивный характер. Определенно это влиянием императивно-диспозитивного метода правового регулирования.

---

⁸ Гражданское процессуальное право: Учебник / С.А. Алехина и др.; под ред. М.С. Шакарян. М.: ТК "Велби"; Изд-во "Проспект", 2013. С. 130

Императивно-диспозитивные нормы института подсудности гражданских дел, как определение, высказывает содержание всех норм права либо добавляют их, при этом указывая на возможность сторонам в основании их волеизъявления выяснить подсудность гражданского дела.

Во всяком случае, несмотря на диспозитивный характер нескольких процессуальных норм, обладающих подсудность гражданских дел, в общем они не теряют свою императивность, а являются необходимыми для суда и подлежат строгому соблюдению участвующими лицами в деле. В целом, соглашение об изменении территориальной подсудности гражданского дела разрешено только до принятия решения его судом к своему производству.⁹

Для выявления системных процессуальных норм, определяющих подсудность гражданских дел, главное теоретическое значение действует и классификация процессуальных норм по сфере общего применения, а так же специального и исключительного применения.

Задача об общих, специальных и исключительных нормах института подсудности гражданских дел следует рассматривать во взаимоотношении с действующим уровнем, на котором они работают и взаимодействуют.

Определяющие роли в процессуальных нормах в составе института подсудности гражданских дел – это сложная задача. Ранее следовалось, что институт подсудности гражданских дел указывают на три субинститута. В своей степени, субинституты подсудности гражданских дел входят из процессуальных норм, взаимосоставляющих на разных уровнях их структуры.

На одной из таких степеней взаимосоставляют нормы подсудности гражданских дел, закрепленные в ГПК РФ и иных нормативно-правовых актах. При этом положения ГПК РФ будут включать общие отношения к положению, закрепленным в иных нормативно-правовых актах.

Нужно помнить, что определенные, а в некоторых случаях и специальные процессуальные нормы, взаимосоставляющие на равном уровне

---

⁹ Гражданский процесс: Учебник / Под ред. М.К. Треушникова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Городец, 2016. С. 89

структуры субинститута подсудности гражданских дел, не будут являться таковыми по отношению ко всем процессуальным нормам, находящимся на другом уровне его структуры.¹⁰

Специальные положения, определяющие территориальную подсудность гражданских дел, рассматриваемых в порядке искового производства (ст. ст. 29, 31, 32 ГПК РФ), являются только по отношению к общему положению о территориальной подсудности гражданских дел (ст. 28 ГПК РФ). Данные специальные положения не могут показать подсудность гражданских дел, рассматриваемых в порядке важного производства, производства по делам, возникающим из публичных правоотношений, иных производств, поскольку процессуальные нормы, определяющие подсудность данных категорий дел, присутствуют на другом уровне структуры субинститута территориальной подсудности гражданских дел.

В предпосылках происходящих процессов глобализации настоящего мира можно увеличить значимость и важность судебной защиты участников гражданско-правовых отношений, с предоставлением иностранным элементом. Объем споров с участием иностранных лиц в российских судах постоянно увеличивается, о чем показывают данные статистики. Порядок судопроизводства по гражданским делам, в том числе с участием иностранных лиц, определяется в первую очередь основными, общими нормативными положениями, требованиями, и принципами гражданского процессуального права. В связи с этим вопросы, определяющие исходные начала, которые указывает характер и содержание работы судов по определению правосудия по гражданским делам, безусловно, имеют как теоретическое значение, так и практическое значение. Если не обращать внимание на проблемы принципов гражданского процессуального права всегда имело место одно из центральных мест в науке, часть из них до настоящего времени остаются дискуссионными. В какой-то мере, речь идет о принципах определения правосудия по

---

¹⁰ Лебедев М.Ю. Развитие института юрисдикции и его проявление в третейском суде: Дис. ... к.ю.н. Саратов, 2017. С. 27

гражданским делам с участием иностранных лиц.

Совокупность процессуальных норм, относящихся к рассмотрению и разрешению судами дел, происходящих из гражданских правоотношений с иностранным элементом, принято внести к термину «международный гражданский процесс». Вместо данного термина применяется понятие «международное гражданское процессуальное право». Стоит отметить, что разные научные исследователи включают в это понятие совершенно иное содержание. Т. Н. Нешатаева, например, указывает: международный гражданский процесс начинается после завершения национальной гражданско-правовой процедуры¹¹. Мнения специалистов на принципы международного гражданского процесса влияют во многом от понимания предоставленного правового образования и отношения его места в правовой действительности. Н.М. Юрова принцип диспозитивности, элементом отношения которого включает, с точки зрения автора, заявление ходатайства о признании и обязательном исполнении решения иностранного судебного органа, включает к принципам международного гражданского процессуального права как отрасли международного публичного права с иностранным элементом.

Тяжело поспорить с тем, что в международном публичном праве возникла отрасль процессуального права. Более значимое место процессуальные нормы занимают, помимо права договоров, в таких отраслях, как право международных организаций и судебное право международных учреждений. Невозможно не согласиться с Н. М. Юровой в том, что деятельность национальных судебных органов по внесению правосудия по гражданским делам включает непосредственный предмет регулирования отношения международного публичного права, в составе которого есть нормы и принципы, относящиеся прямо ко всей деятельности. Такой подход, по нашему мышлению, ведет к уничтожению фундаментальных различий двух систем правового регулирования —

---

¹¹ Нешатаева Т. Н. Международное частное право и международный гражданский процесс: учеб. курс: в 3 ч. М., 2014.

международного и национального права. Причисляя все ту же диспозитивность, как, впрочем, и ряд иных основных правовых идей, к принципам международного права, по сути, не открывает ее значение и действие применительно к системе межгосударственных отношений. Данную функцию иногда решает ссылка на практику государственных судов, поэтому как при рассмотрении гражданских дел с участием иностранных лиц они, включая международные соглашения, делают единоличную суверенную волю государства, указанную, в частности, в «генеральном» правиле внутреннего законодательства, наподобие тому, что закреплено на примере, в ч. 4 ст. 15 Конституции РФ.

Естественно, национальные суды всего лишь непосредственно реализуют коллективно согласованную волю государств в иной норме международного права. Те же нормы в международном плане обладает обязательство для государств обеспечивающие действие в национальном праве правил, которые соответствуют международным стандартам. К тому же государство, пользуясь такими правилами, может их развивать и дополнять с учетом социально-политической специфики его права. Определенные государством во внутреннем законодательстве исходные данные в начале, безусловно, часто отражают мысли и идеи, выраженные в рамках международного сотрудничества, поэтому различия ряда качеств, свойственных принципам национального и международного права, закономерно. Но это совсем не даёт, по нашему мнению, единства правовой природы определенных принципов и сферы по их применению.

Г. Ю. Федосеева отметила что, международное процессуальное право в отличие от международного гражданского процесса является отраслью международного публичного права и не обобщенного с рассмотрением гражданско-правовых споров, осложненных «иностранным элементом». Не останавливаясь на этой задаче подробно, ограничимся только признанием того, что проблемы международного гражданского процесса стоит отнести к гражданскому процессуальному праву как отрасли российского права.

Основывается из сказанного, к производству по делам с участием иностранных лиц как структурному подразделению гражданского процессуального права в полной мере применимы всеобщие нормы и принципы данной отрасли, которые, в действительности, определяют деятельность суда и иных участников во всех видах производств. В подтверждение этого можно указать на ч. 1 ст. 253 АПК РФ, согласно которой дела с участием иностранных лиц рассматриваются арбитражным судом по общим правилам Кодекса с особенностями, предусмотренными в гл. 33. Способ этой нормы применительно к принципам судебного процесса можно обнаружить следующим образом. Статья 12 АПК РФ определяет принцип, согласно которому судопроизводство в арбитражном суде проводится на русском языке — государственном языке Российской Федерации. В развитие данного принципа ч. 2 ст. 255 АПК РФ закрепляет: документы, оформленные на иностранном языке, при подаче в арбитражный суд в Российской Федерации должны сопровождаться надлежащим образом, то есть должен быть перевод на русском языке. В пункте 34 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2017 г. № 23 «О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом» указано что в соответствии с принципом языка судопроизводства поручения арбитражных судов представляются в органы Министерства юстиции Российской Федерации и Министерства иностранных дел Российской Федерации на русском языке.

Вместе с тем изложенное не исключает существования специальных принципов, присущих производству по делам с участием иностранных лиц, исходя из его количественных и качественных характеристик, а также самостоятельности в системе гражданского процесса и отрасли права. Л. А. Лунц отмечал: что гражданское судопроизводство страны могло работать в адекватной процессуальной форме гражданского отношения с иностранным элементом, в задаче процессуальных норм иной страны должны быть

определенные институты¹².

Принципы по которыми руководствуются многие суды, рассматривая дела, затруднены иностранным элементом, возможно разделить на две группы: общие принципы гражданского судопроизводства и специальные принципы производства по делам с участием иностранных лиц, или, другими словами, принципы международного гражданского процесса. В силу своей ограниченной сферы осуществления такого рода принципы определяют более детальное и конкретное влияние на относительную и самостоятельную совокупность похожих на общественные отношения или какие-либо компоненты, что позволяет озвучивать об их индивидуальность. Ими регламентируется небольшой круг общественных отношений по сравнению с общими отношениями. Внесение специальных принципов в данном случае ограничены рамками при рассмотрении гражданских дел с участием иностранных лиц, образующих вид судопроизводства. След на формирование этих специальных принципов предписывают прежде всего особенности спорных материально-правовых отношений, определяющих предмет рассмотрения в суде, особенности объективного состава данных дел.

Мнение некоторых авторов, полагающих, что существование ряда специальных принципов, характерных для иностранных лиц с их участием в производстве, даёт отделить международный гражданский процесс от национального гражданского процессуального права¹³ и внести его в систему международного частного права¹⁴, представляется недоказательной. Сложно согласиться с тем, что многие определенные принципы международного гражданского процесса совпадают с аналогичными специальными принципами международного частного права¹⁵. В данной ситуации можно не учитывать ряд принципиальных моментов. Во-первых, нормы международного гражданского процесса имеют иной предмет

---

¹² Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002. Т. 3. С. 773.

¹³ Саенко А. В. Принципы международного гражданского процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 8.

¹⁴ Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С., Филатова М. А. Международный гражданский процесс: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. И. В. Гетьман-Павловой. М., 2017. С. 34.

¹⁵ Там же.

регулирования, чем нормы международного частного права: они указывают не гражданские отношения, осложненные иностранным элементом, а работу суда и иных участников по рассмотрению дел, возникающих из частных отношений.

Таким образом, особенность принципов международного гражданского процесса и их отличие от тех же принципов материального права обусловлены особенностью органа, составляющего правосудие по гражданским делам, то есть суда, и его правовым положением по отношению к участникам разбирательства, которое в общем накладывает ведомые черты власти на характер процессуальных отношений. Во-вторых, если думать о сходстве нескольких принципов, то только в части их названия, но не содержания. И несмотря на схожее терминологическое сходство, между принципами международного гражданского процесса и частного права должно разрешать четкое разграничение. Предложим для примера «взаимость», применение которой «в международном гражданском процессе будет отличается от ее применения в международном частном праве, и именно поэтому в данном случае стоит озвучить про существование самостоятельного вида взаимности, применяемого исключительно к отношениям гражданского процесса». В-третьих, очевидно, что суд при рассмотрении дел с участием иностранных лиц просто не сможет решить поставленных перед ним задач исходя только из специальных принципов данного производства в отрыве от общих принципов гражданского судопроизводства. В противном случае это приведет к принятию неправосудного решения.

Глава 2. Понятие и способы определения международной подсудности по законодательству различных государств

2.1 Понятие международной подсудности. Соглашения о международной подсудности

В отношении соглашения о международной подсудности может возникнуть спор о том, соблюдена ли сторонами его форма. Учитывая, что в разных странах существуют различные требования, предъявляемые к форме соглашений, принципиально важным является установление права, применимого к этому аспекту соглашений.

В современной российской доктрине под соглашением о международной подсудности имеется в виду договоренность, посредством которой стороны изменяют подсудность дела таким образом, что суд в каком-либо государстве приобретает компетенцию его рассмотреть и вынести по нему решение и (или) суд другого государства утрачивает право на его рассмотрение и разрешение¹⁶.

Ныне действующее российское внутреннее процессуальное законодательство содержит специальные нормы, посвященные международной договорной подсудности (ст. 249 АПК РФ 2002 г. Соглашение об определении компетенции арбитражных судов в Российской Федерации и ст. 404 ГПК РФ 2002 г. Договорная подсудность дел с участием иностранных лиц).

Дополнительно отметим, что РФ не ратифицировала Конвенцию о соглашениях о выборе суда 2005 г. Конвенция вступила в силу 1 октября 2015 г. Европейские страны, напротив, не только ратифицировали указанную Конвенцию, но и дополнительно унифицировали нормы международного гражданского процесса, в том числе нормы о соглашениях о выборе суда, в

¹⁶ Елисеев Н.Г., Вершинина Е.В. Международное гражданское процессуальное право. М., 2014. С. 128; Костин А.А. Вопросы действительности соглашения о международной подсудности на этапе признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. N 5. С. 49 - 53

рамках ЕС.¹⁷ Не вдаваясь в длительный исторический анализ, проведенный С.А. Дергачевым и А.М. Жижиним¹⁸, отметим, что закрепление в АПК РФ и ГПК РФ отдельных норм, регулирующих международную договорную подсудность, является новшеством российских процессуальных кодексов 2002 года. Ни АПК РФ 1995 года¹⁹, ни ГПК РСФСР 1964 года²⁰ подобных положений не содержали, ст. 120 ГПК РСФСР 1964 года и ст. 30 АПК РФ 1995 года содержали лишь положения о внутренней договорной подсудности (т.е. о пророгационных соглашениях, не осложненных иностранным элементом). Положения о соглашениях о международной подсудности отсутствовали не только в советском внутреннем процессуальном законодательстве, но и в двусторонних соглашениях СССР о правовой помощи²¹.

Впрочем, само по себе отсутствие в отечественных процессуальных законах до конца XX века специальных норм о международной договорной подсудности не означало лишение сторон возможности при определенных обстоятельствах при наличии иностранного элемента подчинить спор компетенции иностранного суда или, наоборот, наделить отечественный суд компетенцией по рассмотрению трансграничного спора. В частности, еще в ст. 227 Устава гражданского судопроизводства 1864 г., принятом в "эпоху ренессанса процессуального права"²², указывалось, что "при заключении

---

¹⁷ Богданова Н.А. Регулирование соглашений о международной подсудности в соответствии с новым регламентом ЕС о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. N 8. С. 47 - 52.

¹⁸ Жижин А.М. Договорная подсудность в Древней Руси // Актуальные проблемы права: Сборник научных трудов. М., 2014. Вып. 7. С. 83 - 90; Дергачев С.А. Историко-правовой анализ договорной подсудности в гражданском судопроизводстве дореволюционной России // История государства и права. 2016. N 1. С. 13 - 15; Дергачев С.А. Договорная подсудность в советский период истории России // История государства и права. 2016. N 1. С. 43 - 44.

¹⁹ Раздел V Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации от 05.05.1995 N 70-ФЗ.

²⁰ Раздел VI Гражданского процессуального кодекса РСФСР от 11.06.1964.

²¹ Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Греческой Республикой о правовой помощи по гражданским и уголовным делам от 21.05.1981; Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Республикой Куба о правовой помощи по гражданским, семейным и уголовным делам от 28.11.1984; Договор между Союзом Советских Социалистических Республик и Королевством Испания о правовой помощи по гражданским делам от 26.10.1990.

²² Судебные уставы Российской империи 1864 года: влияние на современное законодательство Литвы, Польши, России, Украины, Финляндии (к 150-летию Судебной реформы. 20 ноября 1864 г. - 20 ноября 2014 г.): Сб. науч. ст. / Под ред. Д.Я. Малешина. М., 2014. С. 55.

договора, вступающие в оный могут определить тот суд первой инстанции, которому они подчиняют могущие возникнуть между ними споры об этом договоре и об исполнении оного"²³.

Статья 227 Устава гражданского судопроизводства 1864 г. подлежала применению и для трансграничных споров, когда, например, стороны наделили компетенцией не "русский" суд, а иностранный. Однако правомочие по выбору иностранного суда все же было ограничено. Если сделка была совершена и подлежала исполнению в России, то в таком случае суды России обладали исключительной компетенцией по рассмотрению споров из такой сделки. В частности, в своем труде "Курс международного гражданского процессуального права" Т.М. Яблочков, со ссылкой на решения Сената, указывает: "постановленное в договоре, заключенном и предназначенном к осуществлению в России, условие, на случай спора подчиниться решению иностранного суда, - не имеет обязательной силы, хотя бы контрагенты были иностранцы"²⁴.

Можно предположить, что подобное ограничение было связано с неготовностью государства отказываться от общего принципа, в соответствии с которым "русские суды компетентны по рассмотрению всех дел и всех тяжб иностранцев на русской территории"²⁵. Подобная позиция государства находила также отражение в господствовавшей на тот момент концепции процесса как правоотношения публично-правового характера, которое возникает между судом и другим участником процесса и которое не может быть изменено договорами частных лиц.

Такой подход, безусловно, сдерживал договорное регулирование процессуальных отношений²⁶. После принятия ГПК РСФСР 1964 г. договорная подсудность вновь была закреплена в процессуальном кодексе (ст. 120), однако каких-либо положений о допустимости применения

---

²³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года, с изложением рассуждений, на коих они основаны. Часть первая. СПб., 1866. URL: <http://civil.consultant.ru/reprint/books/115/170.html>.

²⁴ Яблочков Т.М. Курс международного гражданского процессуального права. Ярославль, 1909. С. 60 - 61

²⁵ Там же. С. 53.

²⁶ Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. М., 2015. С. 45 - 51.

указанной нормы о внутренней договорной подсудности к отношениям с участием иностранных лиц процессуальный Кодекс 1964 г. не содержал.

Ныне действующие положения российских процессуальных Кодексов устанавливают немногочисленные правила, ограничиваясь в основном признанием допустимости соглашений о международной подсудности, определением некоторых условий обязательности и действительности формы в письменном виде соглашений о международной подсудности, а также процессуальных последствий их заключения. При этом обращают на себя внимание следующие недостатки формулировок ст. 249 АПК РФ и ст. 404 ГПК РФ.

Во-первых, из буквального текста статей процессуальных Кодексов следует, что законодательное регулирование соглашений о международной подсудности ограничено отношениями с участием "иностранных лиц", тогда как с терминологической точки зрения более корректным было бы указание не только на субъектный состав сторон правоотношения, но в целом на "правоотношение, осложненное иностранным элементом". Вполне обоснованным было бы согласование процессуального законодательства с материально-правовыми нормами международного частного права (прежде всего со ст. 1186 ГК РФ).

Во-вторых, налицо также иные терминологические разночтения. Если статья 404 ГПК РФ оперирует понятием "пророгационное соглашение", то в ст. 249 АПК РФ законодатель использует термин "соглашение об определении компетенции". Статья 404 ГПК РФ не устанавливает требований к форме соглашения о международной подсудности и не содержит такого условия действительности соглашения о международной подсудности, как соответствие заключенного соглашения о международной подсудности исключительной подсудности иностранного государства. На необходимость унификации формулировок ст. 404 ГПК РФ и ст. 249 АПК РФ указано также в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации. При этом разработчики предлагают взять за основу

именно положения ст. 249 АПК РФ²⁷.

В-третьих, Кодексы не устанавливают процессуальные последствия для российского суда на тот случай, если суд после принятия иска к производству установит, что между сторонами имеется исполнимое и юридически действительное соглашение о международной подсудности о рассмотрении спора исключительно судом иностранного государства. Процессуальным последствием определения о прекращении производства по делу является недопустимость повторного обращения в суд по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям.

В результате может получиться ситуация, при которой иностранный суд, указанный в соглашении о международной подсудности, по каким-либо причинам при обращении истца откажет в своей компетенции (например, ввиду того, что на основании своего применимого права иностранный суд установит, что соглашение является недействительным), но повторное обращение истца в российский суд по общим правилам территориальной подсудности в целях рассмотрения спора по существу будет исключено со ссылкой на ст. 221 ГПК РФ / ст. 151 АПК РФ. По указанной причине, на наш взгляд, единственно верным подходом является оставление иска истца, обратившегося в российский суд в обход соглашения о международной подсудности, без рассмотрения (по аналогии с абз. 5 ст. 222 ГПК РФ, п. 5 ч. 1 ст. 148 АПК РФ). В заключение отметим, что именно такой подход начинает складываться в государственных арбитражных судах.

Таким образом, в отечественном и европейских правовых порядках право, применимое к форме соглашений, основано в первую очередь на прямом методе регулирования. Под нормами прямого действия понимаются в данном случае нормы, специально установленные государством в одностороннем порядке (внутренние нормы) или путем заключения международного договора (унифицированные нормы) для регулирования формы соглашений о

---

²⁷ Пункт 56.3 Концепции единого Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, одобренного решением Комитета по гражданскому, уголовному, арбитражному и процессуальному законодательству Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации от 08.12.2014 N 124 (1).

международной подсудности. Нормы прямого действия в данном случае противостоят коллизионным нормам и образуют прямой метод регулирования, который, в отличие от коллизионного метода, позволяет избежать необходимости разрешения вопроса о применимом праве и напрямую устанавливает правило поведения (а именно форму соглашения о международной подсудности).

В отечественном и зарубежном коллизионном регулировании договорных обязательств можно встретить принцип единства статута, в силу которого форма сделки подчиняется праву страны, подлежащему применению к самой сделке (*lex causae* – закон, регулирующий существо отношения). Принцип единства статута закреплен в п. 1 ст. 11 Регламента Рим I, абз. 1 ст. 11 Вводного закона к ГГУ, п. 1 ст. 1209 ГК РФ. В приведенных источниках основной формулой прикрепления для права, применимого к форме сделки, является право, применимое к договору, с допустимостью альтернативного применения права места совершения сделки (*lex loci actus* - закон места совершения юридического акта).

Представляется возможным применение указанного выше принципа единства статута и к соглашениям о международной подсудности. В таком случае форма соглашения подлежит установлению на основании права, применимого к основному договору. Дополнительно исследователями предлагается применение к вопросам формы соглашений не только *lex causae* "в чистом виде", но альтернативной коллизионной нормы, устанавливающей альтернативу между *lex causae* и *lex loci actus*. В силу указанного подхода форма соглашения о международной подсудности подчиняется праву страны, подлежащему применению к основному договору. Однако соглашение не может быть признано недействительным вследствие несоблюдения формы, если соблюдены требования права страны места совершения договора к форме. При этом справедливой выглядит следующая позиция: если форма основного договора определяется на основании *lex loci actus*, то форма соглашения также должна определяться на основании *lex loci actus*, чтобы у

основного договора и оговорки о подсудности был единый статут. В пользу применения такой альтернативной коллизионной нормы могут быть высказаны следующие аргументы.

Во-первых, применение *lex causae* имеет существенное преимущество, поскольку позволяет разрешить вопрос о форме основного договора и оговорки о подсудности, которая зачастую является частью этого же самого договора, на основании права одного и того же правопорядка. Следует согласиться с тем, что подобное регулирование отвечает индивидуальным интересам сторон и правопорядка в единообразной оценке формы основного договора и оговорки о международной подсудности. Во-вторых, применение альтернативной коллизионной нормы позволяет добиться желательного материально-правового результата и уменьшить случаи признания соглашений о международной подсудности недействительными вследствие несоблюдения требований к форме. В-третьих, во многих правопорядках право, применимое к форме основного договора, подлежит применению также и к форме соглашения о выборе права. В таком случае на основании права, применимого к форме основного договора, подлежат установлению форма основного договора, форма оговорки о выборе права и форма оговорки о международной подсудности. Такой подход отвечает как индивидуальным интересам сторон, так и интересам правопорядка.

Однако применение Соглашения о подсудности общих норм о форме основных договорах, и прежде всего важных привязок к праву, регулирующему существо основного договора, несвободно от значительных недостатков.

Во-первых, если право, регулирующее форму основного договора, и право страны суда не совпадают, то применение *lex causae* повлечет за собой необходимость установления содержания иностранного права в части регулирования формы соглашения. В силу смешанной правовой природы соглашений о международной подсудности вопрос о форме соглашения в ряде случаев подлежит разрешению как на основании норм материального,

так и процессуального права. В таком случае суду потребуются устанавливать содержание и применять нормы иностранного права, имеющие различную отраслевую принадлежность.

Во-вторых, применение договорного статута или места совершения сделки может влечь за собой применение более строгих формальных требований к форме соглашений о международной подсудности, чем это предусмотрено правом страны суда. Например, в силу *lex fori* (закон суда) действительным с формальной точки зрения является соглашение, заключенное в устной форме, тогда как в силу *lex causae* соглашение подлежит заключению исключительно в письменной форме. Сказанное может повлечь увеличение числа случаев признания соглашений недействительными.

В-третьих, применение *lex causae* позволяет добиться лишь относительной независимости применимого права к форме соглашения от места судебного разбирательства. Из-за различий в национальных коллизионных нормах (например, из-за различий в толковании таких понятий МЧП, как "тесная связь", "решающее исполнение") *lex causae* может указать на различное применимое право в зависимости от места рассмотрения спора. Выбор истцом места рассмотрения спора (сделанный даже в обход соглашения) предопределяет выбор национальной системы коллизионных норм, которая будет применяться для установления права, применимого к основному договору и, соответственно, к форме соглашения о международной подсудности.

Таким образом, коллизионно-правовое регулирование вопросов формы соглашений имеет значительные недостатки. Связано это прежде всего с невозможностью найти такую коллизионную привязку, которая одновременно и во всех случаях отвечала бы и индивидуальным интересам сторон, и интересам правопорядка. Выход из указанной ситуации может быть найден с помощью следующих возможных решений. Первое решение уже было описано выше и связано с отказом от использования жестких

коллизии норм в пользу альтернативных норм. Однако сложность их применения, необходимость установления содержания иностранного права не позволяют назвать это решение наиболее предпочтительным. Ввиду сказанного более целесообразным представляется второе решение, которое предполагает применение прямого метода регулирования. Обращение к источникам международного гражданского процесса показывает, что в настоящее время именно прямой метод лежит в основе регулирования формы соглашений о международной подсудности.

2.2 Способы определения международной подсудности по законодательству различных государств

На практике нередко возникает необходимость в толковании соглашения о международной подсудности для того, чтобы определить, какие обязательства оно налагает и какие права предоставляет сторонам соглашения. Толкование соглашений о международной подсудности имеет крайне важное практическое значение. Во многих случаях разрешение вопроса о подсудности спора напрямую зависит от того, какую интерпретацию спорного условия суд посчитает правильной. Например, соглашение о международной подсудности, сформулированное как "споры из настоящего договора подлежат компетенции судов государства X", может породить следующие разногласия между сторонами:

1) о виде соглашения (исключается ли таким соглашением компетенция судов других государств (т.е. соглашение является исключительным), либо такое соглашение не запрещает подачу иска в суды других государств в соответствии с правилами общей международной подсудности (т.е. соглашение является неисключительным?));

2) объеме споров, подсудность которых изменяется соглашением (охватывает ли такое соглашение спор о неосновательном соглашении, возникшем в связи с исполнением указанного договора?);

3) обозначении суда, наделяемого компетенцией (достаточным ли является указание в соглашении лишь на суды государства X без указания какого-то определенного суда первой инстанции данного государства?).

Ответы на эти вопросы влияют на наличие или отсутствие у соглашения юрисдикционного эффекта, т.е. позволяют разрешить вопрос о компетенции суда по рассмотрению спора. Рассмотрим данные вопросы более подробно. Актуальные наднациональные источники международного гражданского процесса при отсутствии явно выраженного волеизъявления сторон об обратном исходят из презумпции исключительности заключенного соглашения. Указанные положения содержатся в ст. 25 (1) Регламента (ЕС) N 1215/2012 о подсудности, признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам от 12 декабря 2012 г.²⁸; ст. 3 (b) Конвенции в отношении соглашений о выборе суда от 30 июня 2005 г. Презумпция исключительности заключенного соглашения также содержится во внутреннем праве Швейцарии (абз. 1 ст. 5 Закона Швейцарии о международном частном праве от 18 декабря 1987 г.). В отечественном законодательстве отсутствует презумпция в пользу исключительности либо неисключительности соглашения. Также не приходится утверждать о наличии устоявшейся судебной практики по этому вопросу. Что касается доктрины, то в пользу неисключительного толкования соглашений высказывается Н.Г. Елисеев²⁹. В США суды, как правило, при отсутствии четкой формулировки об обратном склонны считать соглашение неисключительным. Английские суды, в свою очередь, придерживаются более широкого подхода. Не придерживаясь строгой презумпции неисключительности соглашений, при рассмотрении каждого конкретного спора английские суды считают необходимым установить волеизъявление

---

²⁸ Богданова Н.А. Регулирование соглашений о международной подсудности в соответствии с новым Регламентом ЕС о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. N 8. С. 47 - 52; Ее же. Включение оговорки о международной подсудности в устав юридического лица: опыт ЕС // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. N 6. С. 29 - 34

²⁹ Рожкова М.А., Елисеев Н.Г., Скворцов О.Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения. М., 2014. С. 67 - 68.

сторон. В германском праве отсутствует презумпция в пользу исключительности либо неисключительности соглашения. Вид соглашения подлежит определению отдельно для каждого конкретного случая в процессе толкования.

Таким образом, при наличии спора о виде соглашения в зависимости от применимого права суд может посчитать соглашение исключительным либо нет и в силу этого прийти к выводу о наличии или отсутствии компетенции по рассмотрению спора. При отсутствии четкого указания в соглашении между сторонами может возникнуть спор о распространении либо нераспространении оговорки, содержащейся в договоре, на иски о взыскании неосновательного обогащения, о диффамации, о взыскании убытков в связи с нарушением антимонопольного законодательства, о взыскании убытков в связи с мошенничеством при заключении договора, о взыскании убытков в связи с нарушением фидуциарной обязанности и т.п.

В отечественном правопорядке, если стороны не договорились об ином, соглашение о международной подсудности по спору, возникающему из договора или в связи с ним, распространяется и на любые действия сторон пророгационного соглашения, направленные на исполнение, изменение или расторжение указанного договора. Соглашение, содержащееся в договоре, распространяется также на любые споры, связанные с заключением договора, его вступлением в силу, изменением, прекращением, действительностью, в том числе с возвратом сторонами всего исполненного по договору, признанному недействительным или незаключенным, если иное не следует из самого пророгационного соглашения³⁰. Таким образом, в отечественном правопорядке имеет место широкое толкование объема соглашения.

В заключение необходимо отметить, что в иностранных правопорядках отсутствуют какие-либо жесткие презумпции в пользу более широкого или узкого подхода для определения объема споров, включенных в оговорку.

---

³⁰ Пункт 10 Постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2017 г. N 23 "О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом" // СПС "КонсультантПлюс"

Напротив, суды при толковании соглашений о подсудности применяют общие принципы толкования гражданско-правовых договоров в целях установления волеизъявления сторон³¹.

В ряде случаев суду, рассматривающему спор о подсудности, посредством толкования необходимо установить не только объем споров, охватываемых соглашением, но и установить, согласован ли сторонами в принципе компетентный форум и компетентный суд. Место рассмотрения спора должно быть указано ясным и однозначным образом в соглашении, в противном случае может возникнуть спор о том, имеет ли соглашение юрисдикционный эффект.

Поскольку соглашение о международной подсудности не имеет своей целью определение суда (например с родовой и территориальной подсудностью при наличии внутреннего спора), то отечественные и зарубежные суды, как правило, признают исполнимыми соглашения о международной подсудности, которые не содержат указания на конкретный суд, но указывают лишь на государственные суды определенного государства (например, "суды РФ"). В таком случае компетентный суд определяется на основании внутригосударственных правил подведомственности и подсудности споров³². Примерные доводы содержатся также и в европейской доктрине, и в судебной практике.

Практика у российских судов общей юрисдикции ведет, о том, что суды общей юрисдикции работают в ряде дел иного подхода, требуя указания в соглашении о международной подсудности определенного суда, компетентного по вопросам рассмотрения споров. В одном из дел суд не признал исполнимым соглашение, где устанавливало, что клиент соглашается, что суды Новой Зеландии имеют право исключительной юрисдикции, которая даёт любые процессуальные действия в отношении данного договора, клиент подчиняется суду Новой Зеландии. Суд определил,

---

³¹ Елисеев Н.Г. Процессуальный договор. М., 2015. С. 351 - 367.

³² Пункт 8 Постановления Пленума ВС РФ N 23 от 27 июня 2017 г.

что такая формулировка соглашения не определяет точного вопроса в выбранном месте рассмотрения и разрешения спора, потому что в ней отсутствует обозначение того конкретного суда, которому заинтересованные лица доверяют разрешение возникшего конфликта³³. Представляется, что такой подход российских судов общей юрисдикции нельзя признать правильным, поскольку он полностью противоречит понятию соглашения о международной подсудности. Необходимость точного обозначения компетентного суда характерна для пророгационных соглашений без иностранного элемента, но не для международной договорной подсудности.

Если обратиться к двусторонним договорам РФ о правовой помощи, Гаагской конвенции 2005 г. о соглашениях о выборе суда, Регламенту ЕС N 1215/2012 "О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам", то все они будут содержать требования, предъявляемые к форме соглашений о международной подсудности, исключающие необходимость обращения к коллизионным нормам³⁴. Так, договоры РФ о правовой помощи с другими государствами устанавливают, что соглашение о международной подсудности подлежит заключению в письменной форме (например, п. 1 ст. 21 Минской конвенции, п. 2 ст. 4 Киевского соглашения). Статья 25 Регламента N 1215/2012 содержит более развернутое регулирование, в силу которого соглашение о международной подсудности может быть заключено в письменной форме или быть подтверждено в письменной форме, или в форме, соответствующей установившейся между сторонами практике, или в форме, соответствующей обычаям делового оборота. Обмен сообщениями по электронной почте, позволяющий на длительный срок сохранить доказательство заключения соглашения, также признается письменной формой. В авторитетном

---

³³ Определение Московского городского суда от 26 июня 2016 г. по делу N 11-11619; Определение Московского областного суда от 14 февраля 2016 г. по делу N 33-3741.

³⁴ Богданова Н.А. Регулирование соглашений о международной подсудности в соответствии с новым регламентом ЕС о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданскими коммерческим делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. N 8. С. 47 - 52; Ее же. Включение оговорки о международной подсудности в устав юридического лица: опыт ЕС // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. N 6. С. 29 - 34

комментарии к Регламенту подчеркнуто, что исключительно Регламент устанавливает требования, предъявляемые к форме соглашений, и какое-либо обращение к национальному праву исключено. Более того, положения Регламента о форме должны толковаться автономно, но при этом однозначно и определенно. Исходя из отчетов по применению ранее действовавшего Регламента N 44/2001³⁵, суды государств членов - ЕС при возникновении спора о форме соглашения руководствуются исключительно наднациональными источниками без обращения к национальным коллизионным или материальным нормам государств-членов.

Статья 3 Гаагской конвенции по сравнению с Регламентом N 1215/2012 устанавливает более краткие требования к форме соглашения, устанавливая, что исключительное соглашение должно быть заключено в письменном виде или с помощью иных средств сообщения, которые делают информацию доступной для последующего использования. В отчете, касающемся Гаагской конвенции, указано, что дополнительные (более строгие) требования, предъявляемые к форме соглашений, содержащиеся в национальном праве государств - участниц Конвенции, не имеют значения. Так, например, суд государства - участника Конвенции не может ссылаться на отсутствие у соглашения юридической силы, если такое соглашение: 1) заключено в письменной форме, но на иностранном языке; 2) напечатано мелким шрифтом; 3) имеет форму оговорки в договоре и не подписано сторонами в качестве отдельного документа. Таким образом, Гаагская конвенция устанавливает "максимальные" требования к форме, которые не могут быть расширены государствами - участниками Конвенции.

Применение права страны суда (далее - *lex fori* (юридические суды)) к форме соглашений о международной подсудности подчеркивает процессуальную природу соглашений о международной подсудности. Вне зависимости от права, применимого к основному договору (и к его форме),

---

³⁵ Ранее действовавший Регламент ЕС "О юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам" N 44/2001 утратил силу 10 января 2015 г. в связи со вступлением в силу нового Регламента N 1215/2012.

форма оговорки о подсудности, содержащаяся в основном договоре, подчиняется праву того государства, суд которого рассматривает спор.

Точка зрения о применении *lex fori* отстаивается в германской доктрине Х. Шаком. Исследователь указывает, что форма соглашения о подсудности определяется только на основании § 38 Германского процессуального уложения (далее - ГПУ), даже если применяемое к основному договору право не предусматривает для последнего вообще никакой формы или, наоборот, предписывает еще более строгую форму³⁶.

Аналогичная позиция отражена в авторитетном комментарии к ГПУ, где сказано, что применение иностранного гражданского права к соглашениям о международной подсудности допустимо лишь в тех случаях, когда ГПУ не содержит предписаний по тому или иному вопросу. Требования, предъявляемые к форме соглашений в иностранном правопорядке, не имеют значения, поскольку форма соглашений о международной подсудности урегулирована § 38 ГПУ, в связи с чем применение иностранного права в данном случае исключается.

Преимуществом применения *lex fori* является отсутствие необходимости установления содержания иностранного права для разрешения вопроса о формальной действительности соглашения. В таком случае суд проверяет соблюдение формы соглашений на основании своего права, которое хорошо ему известно. Действительно, в интересах лиц, участвующих в деле, а также в публичном интересе, который выражается в надлежащем осуществлении правосудия, рассмотрение дел в судах должно осуществляться быстро и ясно. По этой причине по общему правилу в целях эффективного судопроизводства суды применяют свое, хорошо известное им право. Однако в тех случаях, когда применение иностранного права не сказывается негативным образом на скорости судебного разбирательства, от применения права страны суда можно отказаться. По справедливому утверждению германского исследователя Г. Вагнера, требования,

---

³⁶ Шак Х. Международное гражданское процессуальное право: Учебник. М., 2014. С. 210

предъявляемые к форме соглашений, сами по себе никак не связаны с осуществлением правосудия. Суд, рассматривающий спор, для разрешения вопроса о действительности соглашения о подсудности с точки зрения его формы должен установить право, применимое к основному договору, и применить его (даже если это иностранное право). Аналогичная точка зрения высказывается немецкой исследовательницей Б. Линденмайр, по мнению которой требования, предъявляемые к форме соглашений, не связаны с судоустройством и судопроизводством конкретного государства, ввиду чего допустим отказ от использования *lex fori*.

Таким образом, обоснование применения к форме соглашений права страны суда со ссылкой на необходимость быстрого рассмотрения дела судом на основании своего национального права, которое хорошо ему известно, выглядит неубедительным. Более того, очевидным недостатком применения *lex fori* к вопросам формы соглашения является разделение права, применимого к форме основного договора, и права, применимого к форме оговорки, содержащейся в этом же самом договоре. Применение *lex fori* может повлечь за собой ситуацию, при которой форма основного договора и форма оговорки о подсудности, содержащаяся в нем же, будут подчинены различным правовым порядкам.

Глава 3. Подсудность дел с участием иностранных лиц судам в Российской Федерации

3.1 Правовой статус иностранных лиц в российском гражданском и арбитражном процессе

В большинстве государств в настоящее время провозглашено равенство прав и обязанностей иностранных лиц и граждан соответствующего государства. Помимо всего прочего данное право включает в себя свободный доступ к правосудию для иностранцев, а также предоставление процессуальных прав при рассмотрении гражданских споров. Данный принцип отразился в некоторых международных актах, в некоторых странах – закреплён законодательно.

Несмотря на то, что провозглашено равенство прав и обязанностей, отнесение лица к категории иностранных лиц очень существенно для суда. В судебном разбирательстве возникают некоторые затруднения. Существует проблема определения гражданской процессуальной правоспособности и дееспособности иностранных лиц, лиц без гражданства. Нельзя забывать и о языковом барьере, который существует между иностранцами и гражданами государства. В ч. 3 ст. 62 Конституции РФ закрепляется положение: «Иностранные граждане и лица без гражданства пользуются в Российской Федерации правами и несут обязанности наравне с гражданами Российской Федерации, кроме случаев, установленных федеральным законом или международным договором Российской Федерации»³⁷. Подобное положение содержится и в действующем Гражданском процессуальном кодексе Российской Федерации. В соответствии с ч.1 ст.398 данного нормативно-правового акта, под иностранными лицами понимаются иностранные граждане, лица без гражданства, иностранные организации, международные

---

³⁷ Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ.-04.08.2014.-№ 31.-Ст. 4398

организации. Конкретизацию данных понятий можно получить, обратившись к федеральному законодательству.

Под иностранным гражданином понимается лицо, которое не является гражданином Российской Федерации и имеет гражданство или подданство иностранного государства³⁸. Для возникновения гражданских процессуальных правоотношений необходимо наличие гражданской процессуальной правосубъектности, то есть, правоспособности и дееспособности. Это положение распространяется как на иностранных граждан, так и на лиц без гражданства. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации в статье 399 устанавливает, что гражданская процессуальная правоспособность и дееспособность иностранцев и лиц без гражданства определяется их личным законом. Под личным законом в данном случае понимается законодательство государства, к которому принадлежит иностранный гражданин. Возникает вопрос, как же в таком случае установить гражданскую процессуальную правоспособность лиц без гражданства? Ответ достаточно прост, под личным законом лица без гражданства стоит понимать законодательство государства, в котором оно имеет место жительства. Если же иностранное лицо не обладает дееспособностью по личному закону, то не исключается возможность признания его процессуально дееспособным на территории Российской Федерации. Итак, в России иностранное лицо может получить гражданскую процессуальную правоспособность, если обладает ею в соответствии с российским правом.

Как известно, в Российской Федерации гражданская процессуальная дееспособность наступает с момента достижения совершеннолетия, то есть, с 18 лет. В ряде стран возрастной порог наступления гражданской процессуальной дееспособности выше, например, в Южной Корее – 19 лет, в Японии – 20 лет. Таким образом, граждане или подданные данных

---

³⁸ Федеральный закон от 31 мая 2002 г. № 62-ФЗ (ред. от 01.05.2016) «О гражданстве Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2002. № 22. Ст. 2031; 2016. № 18. С. 2500

государств по достижении 18 лет в своем государстве не имеют права обратиться в суд за защитой своих прав, но смогут сделать это в Российской Федерации. Стоит отметить, что иностранные лица могут участвовать в гражданском судопроизводстве как лично, так и через представителя. В соответствии с международными договорами и в силу особенностей положения данной группы лиц, в качестве представителей могут выступать консулы³⁹. Если в качестве представителя выступает иностранный адвокат, то вопрос о его участии в процессе будет решаться судом отдельно для каждого частного случая. В качестве иностранных лиц могут выступать не только перечисленные выше субъекты, но и дипломатические представители иностранных государств⁴⁰.

В соответствии с ч.3 ст. 401 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, представители иностранных государств подлежат юрисдикции судов Российской Федерации по гражданским делам, но в пределах, которые определены общепризнанными принципами и нормами международного права или международными договорами Российской Федерации⁴¹. Дипломатический агент в государстве, в котором он пребывает, пользуется иммунитетом. Его невозможно привлечь к уголовной и административной ответственности, он не охватывается и гражданской юрисдикцией. Поэтому к нему нельзя предъявить иск, принудительно привлечь к даче свидетельских показаний, экспертного заключения, к совершению каких-либо иных процессуальных действий. Необходимо учитывать, что дипломатический иммунитет не распространяется на некоторые категории дел. Например, он не распространяется на вещные иски, на иски, которые касаются наследования, на иски, которые относятся к профессиональной или коммерческой деятельности.

---

³⁹ Венская конвенция о дипломатических сношениях от 18.04.1961 г. / Ведомости ВС СССР, 1964. № 18. С. 221.

⁴⁰ Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ (ред. от 03.07.2016) «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» // Собр. законодательства РФ. 2002. № 30. Ст. 3032; 2016. № 27 (часть II). С. 4238.

⁴¹ Гражданский процессуальный кодекс РФ от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 03.07.2016) // Собр. законодательства РФ. 2002. № 46. Ст. 4532; 2016. № 27 (часть I). С. 4205.

Юрисдикция судебных или административных органов государства не распространяется на консулов, которые совершают те или иные действия в связи с осуществлением своих консульских полномочий.

Помимо всего прочего, иммунитет не распространяется на гражданские иски, которые вытекают из договора, в соответствии с которым консулом прямо или косвенно были приняты на себя обязательства агента представляемого государства. Так же не охватываются иммунитетом иски третьей стороны по поводу вреда, который был причинен в государстве пребывания источником повышенной опасности. К таким источникам Венская конвенция о консульских сношениях 1963 года относит дорожное транспортное средство, судно, самолет⁴².

Иностранные граждане и лица без гражданства, осуществляющие предпринимательскую и иную экономическую деятельность, обладают правом обращения в арбитражные суды Российской Федерации для защиты прав и охраняемых законом интересов.

Данные граждане несут процессуальные обязанности и наделены правами в равном объеме с российскими гражданами. Этот принцип носит название национального режима⁴³.

Арбитражные суды Российской Федерации рассматривают споры, возникающие из экономической деятельности, которая может осуществляться также лицами иностранных государств. Арбитражные суды выступают как орган правосудия. В этом российские арбитражные суды тождественны иностранным, например торговым судам Англии, Франции или специальным отделениям для коммерческих дел в судах Германии⁴⁴. Иностранные хозяйствующие субъекты могут не только участвовать на суде как истцы или ответчики, но также выступать в качестве третьих лиц,

---

⁴² Венская конвенция о консульских сношениях от 24.04.1963 // Сборник международных договоров СССР. Вып. XLV. С. 124–147.

⁴³ Аргунов А.В., Загидуллин М.Р., Крашенинников П.В., Лисицын В.В. и др. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (продолжение) // Вестник гражданского процесса. 2017. N 1. С. 97 - 144.

⁴⁴ Арбитражный процесс: Учебник / К.М. Арсланов, Д.Х. Валеев, Р.Н. Гимазов и др.; Отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Чельшев. М.: Статут, 2016. 572 с. // СПС "КонсультантПлюс".

заявляющих и не заявляющих самостоятельные требования относительно предмета спора, также принимать участие в делах о несостоятельности (банкротстве), об установлении действий, имеющую юридическую значимость, обращаться за услугами представителей. Это вытекает из распространения национального режима на иностранных хозяйствующих субъектов.

В АПК РФ особенностям рассмотрения дел, осложненных иностранным элементом, посвящена отдельная глава. В то же время АПК РФ включает в себя мало статей, закрепляющих такие особенности, в основном они указаны в конвенциях, многосторонних и двусторонних договорах, ратифицированных Российской Федерацией.

Разбирательство дел с участием иностранных лиц в арбитражных судах идёт преимущественно в соответствии с национальным процессуальным законодательством. Если правила судопроизводства, установленные национальным законодательством, противоречат правилам, предусмотренным международными договорами и соглашениями, то применяются последние. В связи с этим необходимо провести анализ правил судопроизводства, особенностей правового регулирования рассмотрения дел с участием иностранных лиц с точки зрения законодательства Российской Федерации, а также применения и реализации положений международного и иностранного процессуального законодательства. Процессуальная правоспособность заинтересованного лица действует при подаче заявления в арбитражный суд. С момента подачи заявления начинается работа арбитражных процессуальных правоотношений. Процессуальная правоспособность даёт определение как способность иметь процессуальные права и нести процессуальные обязанности. Процессуальной правоспособностью на равных обладают все граждане и организации.

Иностранцам предоставляется национальный режим для участия в арбитражном процессе. Иностранцы наравне с российскими несут процессуальные обязанности и пользуются процессуальными правами.

Они обладают правами, закрепленными в ст. 41 и других статьях АПК РФ, иных федеральных законах. Процессуальные льготы могут быть предоставлены иностранным участникам арбитражного процесса только в том случае, если они предусмотрены международными соглашениями Российской Федерации.

АПК РФ предусматривает, что услуга переводчика, привлеченного судом к участию в процессе, выплата ему суточных, а также возмещение расходов, понесенных в связи с явкой в арбитражный суд, производятся за счет средств федерального бюджета. Конвенция о защите прав человек и основных свобод от 4 ноября 1950 г. не содержит положения о праве участников гражданского спора на использование бесплатной помощи переводчика.

В соответствии с действующим законодательством судебные расходы рассчитываются и уплачиваются в валюте Российской Федерации, в том числе взыскиваемые с иностранных участников. При рассмотрении экономических споров между субъектами предпринимательской деятельности, являющимися резидентами стран - участников СНГ, госпошлина уплачивается в рублях Российской Федерации с пересчетом по курсу национальных валют, установленных национальными банками стран - участников СНГ. Для данных случаев размер государственной пошлины определяется отдельным протоколом.

Практикой подтверждается существование трех способов уплаты государственной пошлины иностранными участниками арбитражного процесса. Пошлина может оплачиваться со счетов иностранных компаний в кредитных учреждениях, расположенных на территории Российской Федерации. Государственная пошлина может оплачиваться уполномоченным представителем иностранного юридического лица. Если отсутствуют счета в банках на территории Российской Федерации и компания не имеет представителей в России, то арбитражный суд взыскивает размер государственной пошлины с помощью вынесения об этом решения и

направляет его в порядке судебного поручения в иностранный суд в соответствующем порядке. Равенство иностранных участников арбитражного процесса с участниками, являющимися резидентами какой-либо страны, равенство их процессуальных прав проявляются в одинаковом доступе к национальному механизму защиты в суде. Вместе с тем механизм судебной защиты в разных странах может отличаться.

Национальный режим в арбитражном процессе предполагает также и распространение в отношении иностранных субъектов положений законодательства Российской Федерации о представительстве. Представительство иностранных субъектов имеет ряд особенностей, которые затрагивают вопросы оформления полномочий представителя и их подтверждения, а также правила определения круга лиц, имеющих право выступать в качестве представителей иностранных граждан и организаций.

Представителями могут выступать адвокаты и иные оказывающие юридическую помощь лица, интересы иностранных лиц могут защищаться и представляться более широким кругом лиц, в том числе иностранными консулами и адвокатами⁴⁵. В Российской Федерации разрешена деятельность адвокатов иностранных государств, хотя существуют некоторые ограничения. Адвокатам иностранных государств, осуществляющим свою деятельность на территории Российской Федерации, необходимо регистрироваться в специальном реестре. Они могут также оказывать юридическую помощь по вопросам применения права иностранных государств. Стоит отметить, что иностранные адвокаты не допускаются к оказанию своих услуг в вопросах, в которых затрагивается государственная тайна Российской Федерации. Если в процессе рассмотрения экономического спора арбитражным судом затрагиваются права и законные интересы иностранного лица, обязательным является привлечение в судебный процесс иностранного субъекта в качестве третьего лица.

---

⁴⁵ Арбитражный процесс: Учебник / К.М. Арсланов, Д.Х. Валеев, Р.Н. Гимазов и др.; Отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. М.: Статут, 2016. 572 с. // СПС "КонсультантПлюс".

По результатам работы были выявлены конкретные процессуальные особенности рассмотрения арбитражным судом дел с участием иностранного элемента. Было осуществлено описание порядка рассмотрения указанных дел, процессуальные права и обязанности иностранных лиц.

В целом можно отметить, что современная правовая система Российской Федерации и мировое сообщество в контексте международных соглашений с Российской Федерацией постоянно совершенствует порядок и конкретные особенности рассмотрения в арбитражных судах дел с участием иностранных лиц, происходит заметная либерализация данного процесса. Однако отмечу, что еще большая работа в данном направлении, улучшение и упрощение порядка взаимодействия иностранных судов, рассматривающих экономические споры, пойдет только на пользу объективному рассмотрению дел и совершенствованию отправления правосудия в арбитражных судах. Необходимо продолжать начатую деятельность по разработке и заключению международных соглашений, совершенствованию взаимодействия и работы уполномоченных государственных органов. Большее и планомерное внедрение современных технологий в сфере правовой помощи также окажет необходимую роль в улучшении судебного процесса с участием иностранных элементов. Все названные меры возможны только при активном взаимодействии судебных и исполнительных органов, а также всего мирового сообщества.

Подводя итог, можно сказать, что регулирование гражданского и арбитражного процессуального статуса иностранных лиц основывается на двух принципах: принципе приоритета международно-правовых норм, в соответствии с которым государство не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения ею правил международного договора, и принципе действующего национального режима.

3.2 Процесс рассмотрения арбитражными судами и судами общей юрисдикции дел с участием иностранных лиц

Очевидно, что заключить международные соглашения со всеми странами о регулировании подсудности не представляется возможным. На государство, таким образом, возложена обязанность установить за национальными судами объем компетенции по делам с участием иностранных лиц ввиду неизбежности возникновения трансграничных споров с учетом реалий современной экономической жизни.

Статья 247 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации непосредственно закрепляет условия признания арбитражного суда в Российской Федерации компетентным рассматривать споры с иностранным участием⁴⁶. Анализ перечисленных в указанной статье Кодекса юрисдикционных привязок позволяет прийти к выводу, что в качестве основного критерия компетентности российского арбитражного суда рассматривать трансграничный спор выступает тесная связь правоотношения с территорией нашей страны.

К числу проблемных вопросов определения компетентного суда следует также отнести возникающий ввиду пересечения международной подсудности нескольких государств конфликт юрисдикций.

В данной ситуации трансграничное правоотношение обладает таким набором признаков, имеющим соотношение одновременно с несколькими иностранными государствами, что возникает неопределенность, какое именно государство обладает юрисдикцией в случае возникновения спора.

Нивелирование обозначенного противоречия возможно при определении оптимального объема иностранного элемента для применения норм международной подсудности. В его содержание необходимо включать помимо основания (связь субъектов, объектов, юридических фактов с

---

⁴⁶ Богданова Н.А. Проблемные аспекты толкования соглашений о международной подсудности в отечественном и зарубежных правовых порядках // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. № 9. С. 34 - 38.

зарубежными государствами) процессуальные аспекты установления юрисдикции (судебные расходы, временные затраты, доступность доказательств, исполнимость судебного решения и пр.).

Следует отметить, что так называемая «доктрина неудобного суда» апмплифицируется в практике иностранных государств.

В процессуальной литературе применительно к указанной статье АПК РФ отмечается, что процессуальное положение не взаимосвязано с материальными положениями соглашения, иными словами, оно обладает юридической самостоятельностью. В случае признания материальных положений договора недействительными, процессуальное положение (об определении подсудности) сохраняет свое действие.

В рассматриваемом вопросе следует обратить внимание на то, что пророгационное соглашение автономно по правовой природе, его следует отличать от арбитражного соглашения.

Мотивы осуществления подобных распорядительных действий сторон представляются различными. Так, в рамках пророгационного соглашения стороны стремятся изменить подсудность, оставаясь при этом в границах судебной системы государства. Основанием осуществления второго волевого акта является желание лиц, участвующих в деле, выйти за пределы многоуровневой судебной системы, в которой прохождение решения по различным инстанциям может привести к затягиванию его исполнения и соответствующим издержкам, связанным с участием в процессе. Иными словами, происходит изъятие существующего спора из юрисдикции государственного суда в пользу третейского⁴⁷.

Помимо названных соглашений, рассматриваемых в сравнении, в практике различных государств существует альтернативный вариант заключения опционной оговорки, в силу которой сторонам предоставляется право выбора между арбитражем и государственным судом.

---

⁴⁷ Богданова Н.А. Проблемные аспекты толкования соглашений о международной подсудности в отечественном и зарубежных правовых порядках // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. N 9. С. 34 - 38.

Впервые опционная оговорка была рассмотрена Президиумом Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации в деле по исковому заявлению закрытого акционерного общества «Русская Телефонная Компания» к обществу с ограниченной ответственностью «Сони Эрикссон Мобайл Коммюникейшнз Рус». В контракте стороны определили, что в случае возникновения спора он подлежит рассмотрению Международным арбитражным судом при Международной торговой палате, местом разбирательства будет являться Лондон, кроме того, «Сони Эрикссон» вправе обратиться с иском в суд компетентной юрисдикции. Арбитражный суд города Москвы как суд первой инстанции оставил иск без рассмотрения, исходя из наличия между сторонами действительного и исполнимого арбитражного (третейского) соглашения. Апелляционная и кассационная инстанции поддержали выводы нижестоящего суда. Рассматривая жалобу в порядке надзора, Президиум ВАС РФ, между тем, подчеркнул, что контракт содержит в себе элементы не только арбитражной оговорки, но и пророгационного соглашения, поскольку определяет возможность передачи споров как в международный коммерческий арбитраж, так и в государственный суд. Судебная инстанция признала асимметричную арбитражную оговорку недействительной, сославшись на нарушение баланса интересов сторон, а, следовательно, на несоблюдение принципов равноправия и состязательности участников судебного разбирательства⁴⁸. Изложенная позиция вызвала определенную долю критики в юридическом сообществе.

Дискуссионными представляются выводы о недействительности подобного соглашения как реализации принципа свободы договора, но противоречащего одновременно принципу равноправия сторон в процессуальной плоскости. Однако представляется важным отметить, что ВАС РФ не отрицает действительность непосредственно опционной

---

⁴⁸ Богданова Н.А. Проблемные аспекты толкования соглашений о международной подсудности в отечественном и зарубежных правопорядках // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. N 9. С. 34 - 38.

оговорки, возможности согласования сторонами трансграничных отношений. Речь идет об ее асимметричности и соответствующем нарушении принципов состязательности и равноправия сторон.

В постановлении Президиума ВАС РФ от 23.10.2012 г. № 7805/12 по делу FRINGILLA CO. LTD против общества с ограниченной ответственностью «Рыбпроминвест» подчеркивается конфликт между свободой договора в сделках, подчиненных иностранному праву, и положениями о публичном порядке и исключительной компетенции российских судов, причем в рассматриваемой ситуации выбор сделан не в пользу согласованных в договоре положений.

Здесь, конечно, важно осмысление разумного баланса между свободой договора и публичным порядком. Чрезмерная защита публичного порядка может позволить недобросовестному контрагенту не исполнять обязательства по договору, «прикрываясь» публичным порядком, что, в свою очередь, нарушит основополагающий принцип как гражданского, так и международного права - договоры должны соблюдаться. Более того, с учетом преобразования гражданского законодательства нашей страны, подобные действия могут толковаться как злоупотребление правом (ст. 10 ГК РФ) ввиду презюмирования добросовестности участников гражданских правоотношений.

В соответствии с ч. 1 ст. 14 АПК РФ при применении норм иностранного права арбитражный суд устанавливает содержание этих норм в соответствии с их официальным толкованием, практикой применения и доктриной в соответствующем иностранном государстве.

Указанная норма арбитражного процессуального законодательства фиксирует, по нашему мнению, что для правовой системы России характерно восприятие зарубежного права как собственного права.

Установление содержания зарубежных норм возлагается на стороны только после вынесения определения суда с учетом всей совокупности обстоятельств дела, принципов добросовестности, разумности и

справедливости. Автоматическое совершение названного процессуального действия, таким образом, не происходит (суд права самостоятельно устанавливать содержание иностранных норм не утрачивает).

Если же сторона возложенную на нее обязанность по представлению сведений о содержании иностранных норм (представление текстов правовых актов, ссылок на источники опубликования, заключений специалистов о содержании зарубежного права) не исполнила, то она не вправе ссылаться на невыполнение судом действий по установлению содержания норм.

Ведение судопроизводства с участием иностранных лиц осуществляется по стандартам и нормам установленным Российской Федерацией и российским законодательством. Нормы по общему правилу означают постановку коллизионного вопроса и применение в силу коллизионных норм иностранных процессуальных правил, естественно если иное не вытекает из федеральных законов и международных договоров Российской Федерации.

Самой высшей степенью проявления национального режима является предоставление иностранным гражданам равной с российскими гражданами процессуальной правоспособности, определяющий субъектный состав иностранного права в Российской Федерации.

Как следует из статьи 399 ГПК, гражданская правоспособность и дееспособность иностранных граждан определяется их личным законом, то есть законами, которое устанавливает государство, в котором они проживают.

Российское законодательство определяет и устанавливает в своем территориальном пространстве правоспособность и дееспособность иностранных лиц и лиц без гражданства, но только в том случае, если иностранный гражданин имеет наряду с гражданством зарубежной страны российское гражданство, либо имеет место жительства в РФ. В соответствии с этим, можно сделать вывод о том, что если на базе личного закона лицо

признано недееспособным, то в процессуальном российском праве данное лицо должно быть признано дееспособным.

Иностранцы лица наравне с российскими гражданами пользуются правами и выполняют обязанности.

Судопроизводство с участием иностранных лиц осуществляется на основании Гражданского и гражданско-процессуального кодекса, а также иных федеральных законов и нормативно-правовых актов. Правительство РФ вправе устанавливать ограничения процессуальных прав для иностранных граждан тех государств, в которых установлены такие же ограничения по отношению к российским гражданам.

Иностранная организация следует личным законам, то есть с учетом тех законов, которые закреплены страной, где собственно создавалась данное юридическое лицо. Процессуальная правоспособность определяется на основе личного закона иностранной организации.

На основе международного договора устанавливается процессуальная правоспособность, в соответствии с которым она создана, ее учредительных документов и соглашений с компетентным органом Российской Федерации.

Такое понятие, как подсудность, представляет собой совокупность правовых норм, составляющие отношения подведомственных судов дел к ведению конкретного суда для их рассмотрения.

Если ответчик, физическое или юридическое лицо, имеет место жительства в Российской Федерации, то общее правило территориальной подсудности предусматривает, что суды в Российской Федерации рассматривают дела с участием иностранных лиц.

В соответствии со статьей 20 ГК РФ местом жительства признается место, где гражданин постоянно или преимущественно проживает.

Суды в Российской Федерации вправе также рассматривать дела с участием иностранных лиц в случае, если:

- 1) на территории РФ находятся орган управления, филиал или представительство иностранного лица;

- 2) на территории РФ у истца есть постоянное место проживания;
- 3) на территории РФ у ответчика в распоряжении находится имущество;
- 4) содержание иска, связано с пространственной сферой РФ;
- 5) по делу о расторжении брака, если хотя бы один из супругов является гражданином РФ.

Исключительная подсудность дел с участием иностранных лиц включает в себя:

- 1) дела, которые закрепляют право на недвижимое имущество, находящееся на территории РФ;
- 2) дела, по спорам, возникающим из перевозок грузов и договоров поставки, если перевозчик находится на территории РФ;
- 3) дела о расторжении брака между российскими и иностранными гражданами, если у них присутствует место проживания в РФ;
- 4) дела, которые заключены в главах 23–26 настоящего кодекса, то есть вытекающие из публичных правоотношений.

Таким образом, как видим, сложность разрешения споров с участием иностранных лиц обусловлена необходимостью обращения к нормам международных договоров, коллизионным нормам, определением компетентной юрисдикции того или иного государства, должного применимого права к существу спорного правоотношения, установлением его содержания, формированием особого механизма совершения процессуальных действий.

Полагаем, детальный анализ вышеприведенных положений законодательства может способствовать быстрому и эффективному рассмотрению обремененных иностранным элементом дел, гармонизации судопроизводства в целом, поскольку в анализируемом аспекте формирование единообразной судебной практики имеет большое значение, в том числе для дальнейшего развития системы международных экономических отношений.

3.3 Соглашения о международной подсудности в отечественном правопорядке

Далеко не всегда формулировка соглашения о международной подсудности позволяет однозначно установить вид соглашения, компетентный суд и на какую категорию споров оно распространяется.

На практике нередко возникает необходимость в толковании соглашения о международной подсудности для того, чтобы определить, какие обязательства оно налагает и какие права предоставляет сторонам соглашения. Толкование соглашений о международной подсудности имеет крайне важное практическое значение. Во многих случаях разрешение вопроса о подсудности спора напрямую зависит от того, какую интерпретацию спорного условия суд посчитает правильной. Например, соглашение о международной подсудности, сформулированное как "споры из настоящего договора подлежат компетенции судов государства X", может породить следующие разногласия между сторонами:

- о виде соглашения (исключается ли таким соглашением компетенция судов других государств (т.е. соглашение является исключительным), либо такое соглашение не запрещает подачу иска в суды других государств в соответствии с правилами общей международной подсудности (т.е. соглашение является неисключительным?));

- объеме споров, подсудность которых изменяется соглашением (охватывает ли такое соглашение спор о неосновательном соглашении, возникшем в связи с исполнением указанного договора?);

- обозначении суда, наделяемого компетенцией (достаточным ли является указание в соглашении лишь на суды государства X без указания какого-то определенного суда первой инстанции данного государства?).

Ответы на эти вопросы влияют на наличие или отсутствие у соглашения юрисдикционного эффекта, т.е. позволяют разрешить вопрос о компетенции суда по рассмотрению спора. Рассмотрим данные вопросы

более подробно.

Актуальные наднациональные источники международного гражданского процесса при отсутствии явно выраженного волеизъявления сторон об обратном исходят из презумпции исключительности заключенного соглашения. Указанные положения содержатся в ст. 25 (1) Регламента (ЕС) N 1215/2012 о подсудности, признании и исполнении судебных решений по гражданским и торговым делам от 12 декабря 2012 г. (далее - Регламент N 1215/2012)⁴⁹; ст. 3 (b) Конвенции в отношении соглашений о выборе суда от 30 июня 2005 г. (далее - Гагская конвенция 2005 г.). Презумпция исключительности заключенного соглашения также содержится во внутреннем праве Швейцарии (абз. 1 ст. 5 Закона Швейцарии о международном частном праве от 18 декабря 1987 г.). В отечественном законодательстве отсутствует презумпция в пользу исключительности либо неисключительности соглашения. Также не приходится утверждать о наличии устоявшейся судебной практики по этому вопросу.

В одном из дел Московский городской суд указал, что оговорка о международной подсудности, содержащаяся в трудовом договоре, в соответствии с которой "стороны согласны передать спор в суд провинции Луанда с отказом от решения спора в любом другом суде", обладает не только пророгационным, но и дерогационным эффектом, в связи с чем производство по делу было прекращено (Определение Московского городского суда от 20 октября 2010 г. N 4г/1-7776). В другом деле российский государственный арбитражный суд кассационной инстанции истолковал следующую оговорку о международной подсудности, содержащуюся в договоре займа, как неисключительную, и отказался признать за ней дерогационный эффект, поскольку стороны явным образом не указали на исключительный характер оговорки, но лишь согласовали

---

⁴⁹ Богданова Н.А. Регулирование соглашений о международной подсудности в соответствии с новым Регламентом ЕС о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. N 8. С. 47 - 52; Ее же. Включение оговорки о международной подсудности в устав юридического лица: опыт ЕС // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. N 6. С. 29 - 34.

следующее: "...все споры, возникающие из настоящего договора и в связи с ним, могут быть рассмотрены Токийским окружным судом, юрисдикцию которого все заключившие настоящий договор стороны прямо обязуются признавать". Суд кассационной инстанции указал, что из буквального толкования названного условия не следует, что все споры, вытекающие из указанного договора, рассматриваются только Токийским окружным судом; формулировка данного условия может означать лишь возможность обращения одной из сторон договора в названный суд. Суд кассационной инстанции направил дело на новое рассмотрение. При повторном рассмотрении дела суд апелляционной инстанции, применив правила о толковании условий договоров (ст. 431 ГК РФ, несмотря на то что договор займа, содержащий спорную оговорку, регулировался правом Японии), пришел к выводу, что воля сторон была направлена на установление исключительной компетенции Токийского окружного суда. Однако суд указал, что поскольку иск уже принят к производству, то отсутствует возможность возвратить исковое заявление или передать его по подсудности. В результате в нарушение оговорки о международной подсудности дело было рассмотрено российскими судами по существу. Представляется, что при таких обстоятельствах суду следовало оставить исковое заявление без рассмотрения по аналогии с п. 5 ч. 1 ст. 148 АПК РФ, но не рассматривать спор по существу. Также обращает на себя внимание, что в судебных актах по указанному делу термин "исключительная подсудность" неверно использован как синоним понятия "исключительное соглашение о международной подсудности". Также необоснованными являются ссылки судов на ст. 249 АПК РФ, поскольку указанная статья лишь говорит о пророгации споров с участием иностранных лиц в пользу российских государственных арбитражных судов: но указанная статья не касается соглашений о подсудности, наделяющих компетенцией иностранные государственные суды, как это имело место в настоящем деле (подробнее см. судебные акты по делу N А33-13302/2010)

В США суды, как правило, при отсутствии четкой формулировки об обратном склонны считать соглашение неисключительным. Английские суды, в свою очередь, придерживаются более широкого подхода. Не придерживаясь строгой презумпции не исключительности соглашений, при рассмотрении каждого конкретного спора английские суды считают необходимым установить волеизъявление сторон.

В германском праве отсутствует презумпция в пользу исключительности либо не исключительности соглашения. Вид соглашения подлежит определению отдельно для каждого конкретного случая в процессе толкования.

Таким образом, при наличии спора о виде соглашения в зависимости от применимого права суд может посчитать соглашение исключительным либо нет и в силу этого прийти к выводу о наличии или отсутствии компетенции по рассмотрению спора.

При отсутствии четкого указания в соглашении между сторонами может возникнуть спор о распространении либо нераспространении оговорки, содержащейся в договоре, на иски о взыскании неосновательного обогащения, о диффамации, о взыскании убытков в связи с нарушением антимонопольного законодательства, о взыскании убытков в связи с мошенничеством при заключении договора, о взыскании убытков в связи с нарушением фидуциарной обязанности и т.п.

Германский исследователь У. Магнус со ссылками на доктрину и судебную практику указывает, что в Германии при наличии спора об объеме оговорки оговорка распространяется на деликтные иски, а также на споры о недействительности основного договора.

В США в зависимости от штата вопрос толкования соглашения разрешается по-разному и какое-либо законодательное регулирование по данному вопросу отсутствует. Так, Г. Борн со ссылками на ряд решений американских судов указывает, что формулировка соглашения "споры, возникающие из настоящего договора" является более узкой, чем

формулировка "споры, относящиеся к настоящему договору" и по этой причине не охватывает внедоговорные требования. Однако далее Г. Борн подчеркивает, что такая практика не является устоявшейся. В большинстве дел нижестоящие суды при толковании соглашений исходят из того, что формулировка "споры из настоящего договора" охватывает как договорные, так и внедоговорные требования, поскольку, по мнению судов, рассмотрение всех споров (как договорных, так и внедоговорных, но связанных с договором) в одном форуме позволяет осуществить более тщательное и эффективное рассмотрение дела. Такой подход американских судов основан на аналогичной позиции, сформированной для толкования объема арбитражных соглашений.

Актуальная английская доктрина и судебная практика исходят из того, что формулировка соглашения "споры, в связи с настоящим договором" является достаточной и охватывает любые требования, в том числе внедоговорные, но связанные с договором (например, требования в связи с введением в заблуждение на преддоговорной стадии или нарушением обязанности по раскрытию документов на этапе заключения договора). Сказанное основано на презумпции, что стороны, действуя как разумные предприниматели, имели своим намерением подчинить все споры компетенции одного форума. Таким образом, по утверждению английского исследователя Р. Фентимана, современный английский подход по толкованию соглашений заключается в том, чтобы отказаться от "хитрого использования слов и формулировок" и толковать соглашения о международной подсудности максимально широко в соответствии с их естественным предназначением.

В отечественном правопорядке, если стороны не договорились об ином, соглашение о международной подсудности по спору, возникающему из договора или в связи с ним, распространяется и на любые действия сторон пророгационного соглашения, направленные на исполнение, изменение или расторжение указанного договора. Соглашение, содержащееся в договоре,

распространяется также на любые споры, связанные с заключением договора, его вступлением в силу, изменением, прекращением, действительностью, в том числе с возвратом сторонами всего исполненного по договору, признанному недействительным или незаключенным, если иное не следует из самого пророгационного соглашения⁵⁰. Таким образом, в отечественном правопорядке имеет место широкое толкование объема соглашения.

В заключение необходимо отметить, что в иностранных правопорядках отсутствуют какие-либо жесткие презумпции в пользу более широкого или узкого подхода для определения объема споров, включенных в оговорку. Напротив, суды при толковании соглашений о подсудности применяют общие принципы толкования гражданско-правовых договоров в целях установления волеизъявления сторон.

В ряде случаев суду, рассматривающему спор о подсудности, посредством толкования необходимо установить не только объем споров, охватываемых соглашением, но и установить, согласован ли сторонами в принципе компетентный форум и компетентный суд. Место рассмотрения спора должно быть указано ясным и однозначным образом в соглашении, в противном случае может возникнуть спор о том, имеет ли соглашение юрисдикционный эффект. Поскольку соглашение о международной подсудности не имеет своей целью определение компетенции конкретного суда (как в случае с территориальной или родовой подсудностью при наличии внутреннего спора), то отечественные и зарубежные суды, как правило, признают исполнимыми соглашения о международной подсудности, которые не содержат указания на конкретный суд, но указывают лишь на государственные суды определенного государства.

Практика российских судов общей юрисдикции свидетельствует, однако, о том, что суды общей юрисдикции придерживаются в ряде дел иного подхода, часто требуя четкого указания в соглашении о

---

⁵⁰ Пункт 10 Постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2017 г. N 23 "О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом" // СПС "КонсультантПлюс" (далее - Постановление Пленума ВС РФ N 23 от 27 июня 2017 г.).

международной подсудности конкретного суда, компетентного по вопросам рассмотрения споров. Представляется, что такой подход российских судов общей юрисдикции нельзя признать правильным, поскольку он полностью противоречит понятию соглашения о международной подсудности. Необходимость точного обозначения компетентного суда характерна для пророгационных соглашений без иностранного элемента, но не для международной договорной подсудности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В заключение необходимо отметить, что в иностранных правопорядках отсутствуют какие-либо жесткие презумпции в пользу более широкого или узкого подхода для определения объема споров, включенных в оговорку. Напротив, суды при толковании соглашений о подсудности применяют общие принципы толкования гражданско-правовых договоров в целях установления волеизъявления сторон

Учитывая вышеизложенное, субинститут института подсудности гражданских дел представляет собой меньшее по объему правового регулирования структурное образование, состоящее из признанной группы процессуальных всех норм института подсудности гражданских дел.

В состав института подсудности гражданских дел, по нашему мнению, входят несколько субинститутов:

- территориальной подсудности;
- родовой подсудности;
- функциональной подсудности.

Таким образом, категории "территориальная", "функциональная" и "родовая" подсудность гражданских дел должны необходимо рассматривать всю призму структурных образований института подсудности гражданских дел, именуемых субинститутами.

В правилах, правовые институты состоят из тех, которые имеют один порядок в нормах права, разрешающих обеспечивать многогранные воздействие на определенный вид и стороны общественных отношений.

Похожим характером владеют и процессуальные нормы, составляющие институт подсудности гражданских дел. Для более общего исследования и рассмотрения процессуальных норм, составляющих подсудность гражданских дел, нужно обратиться к их возможным классификации.

Таким образом, коллизионно-правовое регулирование вопросов формы соглашений имеет значительные недостатки. Связано это прежде всего с

невозможностью найти такую коллизионную привязку, которая одновременно и во всех случаях отвечала бы и индивидуальным интересам сторон, и интересам правопорядка. Выход из указанной ситуации может быть найден с помощью следующих возможных решений. Первое решение уже было описано выше и связано с отказом от использования жестких коллизионных норм в пользу альтернативных норм. Однако сложность их применения, необходимость установления содержания иностранного права не позволяют назвать это решение наиболее предпочтительным. Ввиду сказанного более целесообразным представляется второе решение, которое предполагает применение прямого метода регулирования. Обращение к источникам международного гражданского процесса показывает, что в настоящее время именно прямой метод лежит в основе регулирования формы соглашений о международной подсудности.

Подводя итог, можно сказать, что регулирование гражданского процессуального статуса иностранных лиц основывается на двух принципах: принципе приоритета международно-правовых норм, в соответствии с которым государство не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания невыполнения ею правил международного договора, и принципе действующего национального режима.

Итак, представляется возможным сделать следующие выводы:

1. Толкование соглашений о международной подсудности осуществляется на основании общих правил о толковании договоров.

2. В процессе толкования соглашений особую значимость имеют установление вида соглашения, установление объема споров, охватываемых соглашением, и установление компетентного суда.

3. Поскольку в разных странах существуют различные стандарты толкования договоров, то принципиально важным является установление права, применимого к толкованию соглашений о международной подсудности.

СПИСОК ИСПОЛЬЗУЕМОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативно-правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ.-04.08.2014.-№ 31.-Ст. 4398
2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. N 138-ФЗ (в ред. от 27 декабря 2018 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. N 46. Ст. 4532.
3. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации" от 24.07.2002 N 95-ФЗ (ред. от 25 декабря 2018 г.) // Собрание законодательства РФ – 2002 - № 30 – Ст. 3012.
4. Постановления Пленума ВС РФ от 27 июня 2017 г. N 23 "О рассмотрении арбитражными судами дел по экономическим спорам, возникающим из отношений, осложненных иностранным элементом" // СПС КонсультантПлюс.

Специальная литература

5. Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2-х т. Т. 1. М.: Юридическая литература, 2014. С. 98.
6. Арбитражный процесс: Учебник / К.М. Арсланов, Д.Х. Валеев, Р.Н. Гимазов и др.; Отв. ред. Д.Х. Валеев, М.Ю. Челышев. М.: Статут, 2016. 572 с.
7. Аргунов А.В., Загидуллин М.Р., Крашенинников П.В., Лисицын В.В. и др. Комментарий к Гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации (продолжение) // Вестник гражданского процесса. 2017. N 1. С. 97 - 144.

8. Асосков А.В. Определение права, подлежащего применению к форме сделки / А.В. Асосков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2014. N 9. С. 107 - 133.

9. Богданова Н.А. Включение оговорки о международной подсудности в устав юридического лица: опыт ЕС / Н.А. Богданова // Арбитражный и гражданский процесс. 2016. N 6. С. 29 - 34.

10. Богданова Н.А. Право, применимое к форме соглашений о международной подсудности // Международное публичное и частное право. 2017. N 5. С. 8 - 11.

11. Богданова Н.А. Проблемные аспекты толкования соглашений о международной подсудности в отечественном и зарубежных правопорядках // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. N 9. С. 34 - 38.

12. Богданова Н.А. Регулирование соглашений о международной подсудности в соответствии с новым регламентом ЕС о юрисдикции, признании и исполнении судебных решений по гражданским и коммерческим делам / Н.А. Богданова // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. N 8. С. 47 - 52.

13. Богданова Н.А. Соглашения о международной подсудности в отечественном правопорядке // Арбитражный и гражданский процесс. 2017. N 2. С. 28 - 32.

14. Боровский М.В. Суды общей юрисдикции в Российской Федерации: проблемы и перспективы: Дис. ... к.ю.н.: М., 2013. С. 19

15. Гетьман-Павлова И. В., Касаткина А. С., Филатова М. А. Международный гражданский процесс: учебник для бакалавриата и магистратуры / под общ. ред. И. В. Гетьман- Павловой. М., 2017. С. 34.

16. Гражданский процесс: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / Е.А. Борисова, С.А. Иванова, Е.В. Кудрявцева и др. / Под ред. М.К. Треушникова. М.: Городец, 2016. 742 с.

17. Гражданское процессуальное право: Учебник / С.А. Алехина и др.; под ред. М.С. Шакарян. М.: ТК "Велби"; Изд-во "Проспект", 2013. С. 131

18. Дергачев С.А. Договорная подсудность в гражданском и арбитражном процессе России: Автореф. дис. ... к.ю.н. М., 2015. С. 12
19. Дергачев С.А. Договорная подсудность в советский период истории России // История государства и права. 2016. N 1.
20. Дергачев С.А. Историко-правовой анализ договорной подсудности в гражданском судопроизводстве дореволюционной России // История государства и права. 2016. N 1.
21. Елисеев Н.Г. Процессуальный договор / Н.Г. Елисеев. М.: Статут, 2015. 368 с.
22. Елисеев Н.Г., Вершинина Е.В. Международное гражданское процессуальное право. М., 2014.
23. Елисеев Н.Г., Рожкова М.А., Скворцов О.Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения / Под общ. ред. М.А. Рожковой. М.: Статут, 2013. С. 14.
24. Ерохина Т.П. Некоторые проблемы подсудности в гражданском судопроизводстве: Дис. ... к.ю.н.: Саратов, 2014. С. 48 - 50.
25. Жилин Г.А. Правосудие по гражданским делам: актуальные вопросы: Монография. М.: Проспект, 2016. С. 397
26. Костин А.А. Вопросы действительности соглашения о международной подсудности на этапе признания и приведения в исполнение иностранного судебного решения // Арбитражный и гражданский процесс. 2014. N 5.
27. Лебедев М.Ю. Развитие института юрисдикции и его проявление в третейском суде: Дис. ... к.ю.н. Саратов, 2017. С. 27
28. Лунц Л. А. Курс международного частного права: в 3 т. М., 2002. Т. 3. С. 773.
29. Нешатаева Т. Н. Международное частное право и международный гражданский процесс: учеб. курс: в 3 ч. М., 2014.
30. Осокина Г.Л. Курс гражданского судопроизводства России: Учеб.

пособие. Томск, 2017.

31. Практическое руководство по применению Гаагской конвенции от 19 октября 1996 года о юрисдикции, применимом праве, признании, исполнении и сотрудничестве в отношении родительской ответственности и мер по защите детей. 2014 // URL: <https://assets.hcch.net/docs/3368a7cd-eb0b-4b92-bd38-e89325067c97.pdf>.

32. Рожкова М.А., Елисеев Н.Г., Скворцов О.Ю. Договорное право: соглашения о подсудности, международной подсудности, примирительной процедуре, арбитражное (третейское) и мировое соглашения. М., 2015.

33. Саенко А. В. Принципы международного гражданского процесса: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015. С. 8.

34. Терехова Л. Фетишизация правил подсудности в гражданском судопроизводстве // Арбитражный и гражданский процесс. 2013. N 6. С. 11

35. Толстой Ю.К. Гражданское право и гражданское законодательство // Правоведение. 2017. N 2.

36. Третьяков С.В. Юридическая природа автономии воли в международном частном праве: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2015.

37. Тригубович Н.В. Определение юрисдикции по спорам, связанным с воспитанием детей, с участием иностранных граждан // Семейное и жилищное право. 2017. N 6. С. 23 - 28.

38. Тригубович Н.В. Толкование понятия "habitual residence" при применении статьи 4 Конвенции о гражданско-правовых аспектах международного похищения детей 1980 года // Семейное и жилищное право. 2016. N 3. С. 20 - 24. N 4. С. 22 - 25.

39. Чечина Н.А. Система гражданского процессуального права и систематизация законодательства // Правоведение. 2016. N 2. С. 32

40. Шак Х. Международное гражданское процессуальное право: Учебник / Х. Шак. М.: БЕК, 2014. 560 с.

41. Шерстюк В. М. Категории отдельного, общего и особенного в гражданском процессуальном праве // Вестник гражданского процесса. 2015. № 3. С. 16.

Судебная практика

42. Постановление Конституционного Суда РФ от 17 февраля 2016 г. N 5-П "По делу о проверке конституционности положений пункта 6 статьи 8 Федерального закона "О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации", частей 1 и 3 статьи 18.8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях и подпункта 2 части первой статьи 27 Федерального закона "О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию" в связи с жалобой гражданина Республики Молдова М. Цуркана" // Российская газета. N 43. 2016.

43. Определение Московского городского суда от 26 июня 2012 г. по делу N 11-11619 // СПС КонсультантПлюс

44. Определение Московского областного суда от 14 февраля 2012 г. по делу N 33-3741 // СПС КонсультантПлюс